

18+

ВЛАД К.

РОБОФОБИЯ

Влад К. Робофобия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19489203

ISBN 9785448304934

Аннотация

«Робофобия» – сай-фай боевик, навеянный книгами Азимова и Берджесса. 2038 год, после скачка в развитии робототехники андроиды стали полноправными членами общества. В результате появились радикалы, не признающие в роботах равных. Они убивают андроидов прямо на улице. К радикалам относится и главный герой, Марк Эрис. Он убежден, что общество должно остаться прежним, поэтому вопреки закону убивает и калечит андроидов. Но однажды робот окажется человеком...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Отрицание	23
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Робофобия

Влад К.

Дизайнер обложки Студия иллюстраций АААЖ
Корректор Юлия К.

© Влад К., 2018

© Студия иллюстраций АААЖ, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4483-0493-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

11 февраля 2038 года во всем мире отпраздновали шестнадцатую годовщину франкфуртского договора. Эту дату называли «Днем взаимопонимания и уважения», и она была посвящена соглашению, которое утвердили страны, входящие в Северо-Американский союз¹, АТЭС², БРИКС³, Южноамериканский союз⁴ и Форум тихоокеанских островов⁵. В договоре были прописаны новое геополитическое разделение, условия сотрудничества между странами, объединенных в политический блок, и устав, согласно которому новые международные организации и их участники не при каких условиях не могут вмешиваться во внутреннюю поли-

¹ Северо-Американский союз – проект объединения США с Мексикой и Канадой по модели Евросоюза.

² АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. В настоящее время в АТЭС 21 государство, среди них – большинство стран с береговой линией у Тихого океана.

³ БРИКС (англ. BRICS – сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) – группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика.

⁴ Союз южноамериканских наций – Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай, Боливия, Колумбия, Перу, Эквадор, Чили, Гайана и Суринам.

⁵ Членами форума являются Австралия, Вануату, Кирибати, Маршалловы Острова, Науру, Новая Зеландия, Ниуэ, Острова Кука, Палау, Папуа – Новая Гвинея, Самоа, Соломоновы Острова, Тонга, Тувалу, Федеративные Штаты Микронезии, Фиджи, Новая Каледония и Французская Полинезия.

тику других международных организаций. Последний пункт в договоре страны сделали приоритетным. Африканский союз на конференции, где подписывалось международное соглашение, представлен не был, так как данная организация не смогла собрать кворум из 54 глав или представителей государств.

Фактически мир разделился по географическому признаку – две Америки, Европа, Евразия, Азия и Океания. В пределах этих 6 территорий люди могли передвигаться без виз, пропусков и других ограничений. Чтобы поехать в Африку, не сумевшую стать частью договора, необходимо было предоставить ряд документов, среди которых цель поездки, справка об отсутствии судимости, разрешение от министерства внутренних дел своей страны, медицинское заключение со списком обязательных прививок. На границе африканского региона был введен строгий контроль, за всеми перемещающимися лицами велось наблюдение. Политологи назвали эти меры «политикой неудобного материка», так как там постоянно велись боевые действия, и 29 стран из 54 находились в состоянии конфликта или гражданской войны. Кроме того, ситуацию усложняла вспышка тропической лихорадки. Всемирная организация здравоохранения не смогла удержать эпицентр, и болезнь с быстро мутирующим штаммом получила распространение. В африканские страны перестали летать регулярные рейсы и ходить морские суда – сохранились лишь частные транспортные и грузовые перевоз-

ки, при этом каждый рейс необходимо было лицензировать.

Все участники соглашения были удовлетворены сложившейся ситуацией, учитывая то, что в 2020 году могла начаться третья мировая война с применением ядерного и химического оружия. Сразу в нескольких регионах Европы и Азии произошли локальные вооруженные конфликты. Их разрешением занялось НАТО, однако вмешательство извне лишь усугубило ситуацию. В конфликте появилась третья сторона в виде сил Запада. Впоследствии мировая напряженность росла, и каждое решение ООН приводило к эскалации. На фоне неблагоприятной обстановки развился экономический кризис, который оказался продолжительнее и глубже своих предшественников. В этой связи договор, подразумевающий взаимопомощь, перемирие и экономические реформы в новых геополитических условиях, виделся мировому сообществу как единственный выход. Подписание стало закономерным исходом, и в 2022 году представители вышеупомянутых стран собрались во Франкфурте и поставили свои подписи внизу бумажного листа. Спустя год историки прозвали договор «документом шести изоляций и одного карантина».

Как бы то ни было, на изоляцию союзные страны шли осознано, и с подписанием договора уровень жизни, средний доход, темпы развития и ВВП в странах начали расти. К 2023 году, по данным демографических исследований, мировое сообщество столкнулось с перенаселением –

сбылся самый пессимистичный прогноз, и количество людей на Земле превысило 10 миллиардов. Одновременно социологи отмечали мобильность населения и обильные миграции в пределах каждой из 6 территорий.

В свете протекающих в обществе процессов феномен «Плавильного котла» распространился на весь мир, и обострился вопрос межнациональных отношений. По статистике, на первые места в антирейтингах вышли преступления, совершенные на почве национальной или расовой неприязни. Правоохранительные органы фиксировали нанесение побоев, публичные оскорбления, дискриминацию, массовые акции протеста, сопряженные с противоправными действиями, и убийства. В прессе этот всплеск получил ярлык «Эпидемия расовой ненависти». В договор, подписанный 11 февраля, внесли поправки. Страны-участники соглашения утвердили, что с 2024 года преступления, совершенные на почве национальной и расовой ненависти, приравниваются к тяжким и особо тяжким деяниям. Максимальная мера наказания – смертная казнь. Как выразился представитель Североамериканского союза, высшая мера наказания необходима не для повсеместного применения, а лишь в качестве средства устрашения, ведь «страх – лучший инструмент регулирования». Тем не менее число смертных казней в одной лишь Северной Америке резко возросло – с 27 в среднем за год до 94.

В 2025 году произошел новый всплеск преступности.

Объектом нападков стали роботы, ставшие полноправными членами общества. Следствием стал кризис судебной системы, юриспруденции и защиты прав человека, поскольку возникал ряд вопросов. Является ли дискриминация роботов расовой? Насколько широки права роботов? Как понятие робот трактуется в конституции, уголовном кодексе, трудовом кодексе и других регламентирующих документах? Нужно ли считать уничтожение работоспособного робота убийством?

Ко всем этим противоречиям привел шестой технологический уклад, в рамках которого технологии развились быстрее, чем прогнозировали ученые. Локомотивом развития стали робототехника и разработка искусственного интеллекта. Разработкой роботизированных машин занимались в основном предприятия оборонной промышленности. Совершенствование ИИ, напротив, велось игровой индустрией, интернет-компаниями и транспортной промышленностью. В 2019 году японская компания Fanuc совместила разработки двух отраслей, представив на Международной выставке свой социальный робототехнический проект. Предприятие Fanuc до подписания «документа шести изоляций» работала на четырех континентах, три из которых располагались к Западу от штаб-квартиры. Первая разработка с рабочим названием «Джон Примус» была ориентирована именно на европейских и американских потребителей.

На презентации Джон Примус вышел угловатой и неторопливой походкой к залу. Робот с человеческим лицом сде-

лал небольшой кивок в сторону зрителей и сказал несколько фраз: «Здравствуйте, меня зовут Джон Примус. Сегодня вас буду обслуживать я». Модель выглядела, как настоящий человек. Рост – 180 сантиметров, стройное телосложение, правильные черты лица, голубые глаза, светлые волосы, белая кожа, живая мимика и широкая улыбка. Тем не менее после презентации некоторые скептики обращали внимание на IQ, не превышающий 80 пунктов, и умение разговаривать лишь заученными фразами. Представители Fanuc, отвечая на критику, обращали внимание, что Джон Примус умеет прогнозировать течение разговора в узком контексте, давать осмысленные ответы и осуществлять полноценную коммуникацию. Разработчики утверждали, что робот способен проконсультировать по всей билетной программе, посоветовать человеку, как он может сэкономить, обработать поисковый запрос и даже привести аргументы, почему клиент должен взять с собой тот или иной рекламный проспект. Джон Примус стал первым человекоподобным роботом, способным говорить, думать, минимально социализироваться и «сливаться с толпой».

После Международной выставки 2019 года появилось направление социальной робототехники. В некоторых странах разработка андроидов как единиц общества получила государственную поддержку. На исследования в области искусственного интеллекта, бионики, робототехники выделялись десятки миллиардов долларов и евро. В 2021 году в Япо-

нии стартовала программа по замещению людей на опасном производстве роботизированными единицами. Правительство планировало использовать андроидов в зоне аварии на станции Фукусима, действующих, строящихся и остановленных АЭС. Проект предусматривал «красную кнопку»: за действиями андроидов всегда следило несколько операторов, и, если робот делал что-либо, нарушая технику безопасности или инструкции, его экстренно деактивировали. Андроид замирал в том положении, в каком его застала «красная кнопка».

Доклад о японской программе в 2023 году на Международном экономическом форуме в Брюсселе дал новый толчок развитию робототехники. Технологией заинтересовались в Европе, где после ужесточения миграционной политики наметился недостаток обслуживающего персонала. Под патронажем государства в Швейцарии была создана частная компания, работающая по тому же принципу – один оператор был ответственен за 5 андроидов. Роботов в рамках пилотного проекта задействовали в заведениях общепита, в магазинах, в кассах аэропортов и вокзалов, на заводах и клининговых компаниях. Однако пилотный проект назвали умеренно убыточным, так как узкоспециализированные андроиды потребляли чрезмерно много электроэнергии и не могли применяться в разных сферах без обновления программного обеспечения. Вдобавок, в бюджете проекта также был определен значительный фонд оплаты труда,

из которого покрывались расходы на услуги операторов андроидов. Докладчик, представлявший Федеральное собрание Швейцарии, на саммите ЕС заявил, что вместо андроидов проще набрать бездомных, так как они бы при оснащении какого-нибудь паспортного стола обошлись бы дешевле.

Однако от программы роботизации труда отказываться не стали. Формулировка следующего заказа включала следующую фразу: «необходимы роботы, способные трудиться сверхурочно и мигрировать из одной профессиональной сферы в другую». Обязательным условием стала социальная мобильности среди андроидов, чтобы, например, кассир мог после окончания рабочего дня принять инкассаторов, убраться в помещении и заступить на смену охранником. Для осуществления программы был создан ученый совет, в который входили представители США, Франции, Германии, Швейцарии, России, Японии, Индии и Бразилии. Они решили, что у каждого андроида будет базовая программа, сопряженная с алгоритмами накопления опыта. Ученые опросили по 200 представителей каждой профессии из сферы обслуживания, начиная с мусорщиков и заканчивая стюардессами – их интересовали стандартный рабочий день, детальные описания базовых процедур, самый необычный случай из практики и опыт экстренных ситуаций. Всю накопленную базу вложили в роботов, что вкупе с умением учиться привело к тому, что андроиды смогли совмещать несовместимое: кассиры дорастали до бухгалтеров, уборщики до де-

кораторов, стюарды умудрялись осваивать медицинские навыки. Роботы превзошли ожидания – их искусственный интеллект развивался быстрее, чем прогнозировали эксперты. На сайте о технологиях и стартапах TechCrunch.com этот процесс описали заголовком: «Роботы шагнули с конвейера на рынок труда».

Тем не менее осталась нерешенной главная проблема, из-за которой компании, не относящиеся к корпорациям или крупным торговым сетям, не могли позволить себе содержать андроида в качестве работника. По окончании рабочего дня робота приходилось заряжать. В режим гибернации трудоустроенная машина уходила каждый день, и по итогам месяца это отражалось в счете за электроэнергию крупной суммой. От андроидов начали отказываться, и ученые, стремясь избежать застоя в исследованиях, предложили внедрить роботов в общество и оснастить их навыками социальной адаптации. Предполагалось, что андроид должен был стать абсолютно человеческим, политкорректным и морально адекватным. Исследователи вновь начали масштабный социальный опрос – по 1000 представителей 27 стран с разных континентов ответили на стандартные вопросы, описали свой рядовой день и рассказали, за что они ценят жизнь. Все опрошенные тщательно отбирались. Чтобы стать образцом для андроида, нужно было обладать определенной биографией. Специалисты выбирали людей в возрасте до 25 лет, которые не были женаты или замужем, не имели судимостей, ставили карьеру

выше личной жизни, вели здоровый образ жизни и готовы были жить ради общества.

В конечном итоге на специально организованном RoboCon в Лос-Анджелесе представили опытный образец – робота по имени Николай Грин. На презентации вывели на сцену 20 человек, их усадили за столики, вынесли им горячее и вино. Люди просто общались и ели, аудитория недоумевала минут 15, пока ведущий всех не прервал. Он ткнул пальцем в зал на трех добровольцев и дал им задание – указать на робота. Никто из выбранных не нашел андроида. На вопрос, как же машина могла есть, технологи ответили – у него есть специальный отсек, в котором еда прессуется и впоследствии выходит переработанной. Горячее робот преобразовывал в энергию, холодную продукцию через короткий промежуток не обрабатывал и утилизировал.

В 2025 робот стал полноправным членом общества. Тем самым андроид мог сам себя содержать, и заказчика освободили от расходов на электроэнергию, техобслуживание и обновление программного обеспечения. Отныне роботизированная единица функционировала в режиме 8-часового рабочего дня, возвращалась к месту зарядки (иными словами, домой) и входил в режим гибернации с подключением к электросети. По ходу рабочего дня андроид мог есть, тем самым подзаряжая батарею. Он также снимал или покупал квартиру, жил, как обычный человек, и платил налоги, большая часть которых, по условиям контракта, поступа-

ла компании-разработчику. Андроиды стали членами общества, которых журналисты успели прозвать идеальными, поскольку они никому не перечили, были неконфликтны, исправно платили по счетам и брались за самую неприглядную работу. Дабы контролировать численность андроидов, у каждого из них был срок годности, который регламентировался либо работодателем, либо государством, если он работал в бюджетной сфере.

Роботы, как утверждали разработчики, были безвредны. Они подчинялись азимовским законам робототехники, но лишь двум из трех:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит другим законам.

Второй закон был сделан вариативным из соображений политкорректности. Раз робот стал членом общества, ему дали право анализировать целесообразность приказа, данного человеком. Тем самым человек не мог ущемлять конституционные права роботизированного элемента социума. Если приказ не связан с причинением вреда человеку, андроид оставляет за собой итоговое решение о выполнении или

невыполнении приказа.

Когда механические роботы стали полноправными членами общества, произошло событие, которое дало новый импульс развития робототехнике – в китайскую компанию Asia-Tech позвонил секретарь миллиардера Сюй Жунмао, который занимался отельным бизнесом и компьютерными технологиями. Он подал заявку на изготовление персонального робота, который бы, дословно, выглядел бы, как он, говорил бы, как он, и поступал бы, как он. Жунмао просил себя клонировать и импортировать в голову андроида свои знания и навыки – применить готовую программу к биомеханическому организму. Эта заявка стала предпосылкой для разделения роботов на органиков и синтетиков.

Для производства органиков было необходимо полное клонирование человека, что не признавалось ни церковью, ни законодательством. Однако в ряде стран, например, Бельгии, Великобритании и Швеции, было разрешено терапевтическое клонирование – воссоздание живых клеток для лечения болезни Паркинсона, слепоты или спинного мозга. В особых случаях также применялось воссоздание конечностей из биоматериала пострадавшего человека. К сожалению, процедура была дорогостоящей, и ее могли позволить лишь избранные, поэтому существовала система государственных субсидий. Каждый год люди, входящие в группу риска, должны были сдавать анализы, а именно: диабетики, «сердечники», обладатели плохой наследственности.

Если их состояние резко ухудшалось, и врачи, перебрав все возможные медицинские методики, не могли найти эффективного лечения – разрешалось терапевтическое клонирование или воссоздание из биоматериала. Прибегать к такой крайней мере можно лишь трижды до наступления пенсионного возраста и лишь однажды после. Аналогичная процедура разрешалась в исключительных случаях, когда в результате какой-либо травмы человек становился недееспособным. Собиралась комиссия, в которую входили представители разных профессий. Эксперты заслушивали травмированного, делали заключение о его профпригодности, дееспособности и психологическом состоянии, и после этого выносился вердикт. Чаще всего государство давало новый шанс парализованным, а также тем, кто столкнулся с раком, острой инфекцией или склерозом.

Терапевтического клонирования для производства органиков биоинженерам было мало – они просили дать им абсолютную свободу, которая была необходима, чтобы сделать копию человека, вскрыть череп, вырезать из мозга некоторые миниатюрные фрагменты и заменить их крошечными жестким диском и чипсетом, который координирует всю работу и обеспечивает полную синхронизацию с оригиналом. Разработанный механизм помещался в голову и был размером с ноготь.

После долгих споров мораторий на клонирование человека сняли. Это вовсе не означало, что клонирование ста-

ло бесконтрольным. Законодатели подготовили проект, в котором процедура была разрешена в единственном случае – наличие 15 миллиардов евро, необходимость и полезность для общества. Обладатели суммы с 9 нулями также получали клоны по решению комиссии, но уже другой: из общественных деятелей, политиков и представителей делового сообщества. Претенденту на изготовление своего клона нужно было доказать свою чрезмерную занятость, полезность обществу, важность для экономического и научного развития. Если комиссия говорила «да», признавая необходимость создания клона, миллиардер получал собственного органического андроида. В комплекте с органиком шла специальная капсула, в которой робот находился в спячке и старел одновременно со своим хозяином. Более того, каждый день обладатель органика должен был приставлять большой палец к специальной панели на капсуле. Из модуля выезжала миниатюрная игла, которая брала вначале образец кожи, а затем каплю крови. За счет полученных биоданных корректировалось состояние органика, он был полностью идентичен своему хозяину. Сделано это для того, чтобы подчеркнуть – органика миллиардеру дают не в медицинских целях. Если он заболит и окажется при смерти, нельзя покончить жизнь самоубийством, а затем активировать вместо себя клон. Также клон не может использоваться в качестве страховки от вредных привычек, нарушенного режима питания и сна. Если владелец не ведет здоровый образ жизни, то это скажется и на кло-

не.

Стоило пропустить подряд две сдачи крови, к владельцу выезжали приставы, которые в случае со злостными нарушителями получали безапелляционную директиву – умертвить органика. Для тех, кто постоянно находится в разъездах, изобрели портативный модуль. Кровь сдавалась ежедневно, но отчет велся уже не капсуле, а единому центру контроля за «коммерческими органиками». Там фиксировалось состояние хозяина и местоположение, где сдана кровь. По приезде домой, хозяин был обязан сдать последний образец крови в капсулу.

Из «спячки» покупные органики выходили только в тот момент, когда владелец не мог состыковать свои графики, не успевал на важную встречу, опаздывая более чем на сутки, внезапно заболел или был критически необходим в двух местах сразу. При этом хозяин никогда не должен видеть своего органика действующим. В работа закладывали программу автоматического отключения, если GPS-передатчик фиксировал идентичное тело в радиусе 50 метров. Соответственно, в тело хозяина был вживлен маячок, который сигнализировал о приближении компьютерному чипу в голове органика. После китайца Сюй Жунмао на органиков поступило множество заказов в Новом свете. Несмотря на экспериментальность технологии, она работала. Порой подмену не замечали даже родные.

К сожалению, был и побочный эффект. Чем больше робо-

тов приживалось в обществе, тем больше люди их не любили. В 2026 году пресса трубила об образцах, которые осваивали новые профессии, о бизнесменах, оставлявших органиков руководить вместо себя концернами, об ученых, разрабатывающих машины немислимого уровня человечности. Муссирование темы в СМИ сопровождалось многочисленными слухами, якобы, осваивая новые эмоции, роботы могли ненавидеть, презирать и даже убивать. Людей не останавливала постоянная реклама трех основных законов. В общество укоренилась идея, что раз андроидов делают похожими на людей, то они, как и обычные представители человеческого общества, понимают – законы для того, чтобы их нарушать. Масштаб идеологического кризиса достиг неконтролируемых величин. Андроиды приходили на места, которые занимали люди, зачастую делали их работу лучше, не опаздывали, были надежны, не имели вредных привычек и никогда ни на что не жаловались. Со временем некоторые компании стали работать исключительно за счет нечеловеческой силы. На эти тенденции в социуме у людей была своя реакция.

В обществе выработалась робофобия. Ее проявляли те, кого сократили и уволили с работы из-за роботизации труда, консерваторы, религиозные и даже националистические круги. Именно последние вынудили признать андроидов полноправными членами общества и приравнять их к человеку. Такое решение не могло снять социальную напряжен-

ность – напротив, лишь способствовало усугублению ситуации. Тем не менее поправки в законодательство должны были сдержать эскалацию, которая выражалась в чрезмерной агрессии и жестокости. Интернет заполнили снафф-видео: на записях казнили синтетиков и органиков. В случае с последними люди в масках медленно разбирали копии известных предпринимателей и общественных деятелей по частям, забрызгивая камеру кровью, а потом вскрывали молотком черепушку и показывали шокированному зрителю чип и механизм в голове. До принятия поправок все это зверство не было убийством, ведь радикалы просто ломали высокотехнологичное устройство. В подворотнях прохожие находили разобранных на шестеренки синтетиков. Катализатором для политических действий стал случай в Лондоне, где одну пожилую даму хватил инфаркт, когда к ней с просьбой о помощи на одной руке выполз мужчина. Оказалось, что на него накинута 3 подростка и просто разорвали на шестеренки и микросхемы. Кроме того, одновременно на черном рынке началась торговля органами. Также были прецеденты, когда знаменитых органиков брали в заложники и требовали выкуп, который владельцы чаще всего не платили, предпочитая воспользоваться страховкой и восстановить клон из последней сданной капли крови.

Закон, выделяющий роботов в отдельную расу, был повсеместно принят к 2029 году. Поправки приравнивали поломку, при которой механизм не подлежит восстановлению,

к преступлениям, совершенным на почве расовой или межнациональной ненависти. Убийство робота вело прямым ходом в камеру смертников. Суровые меры помогли, и к 2030 году количество смертей среди представителей андроидной расы заметно снизилось, но насадить глобальную толерантность и искоренить робофобию не удалось. Новый всплеск произошел в 2038 году, когда подросло поколение, выращенное теми, кто годами злился на роботов. Ненависть к технологиям воспитывалась в них с детства и была буквально в крови. Участились случаи, когда на андроидов нападали подростки. Робофобия стала модной среди школьников и студентов. Не вся озлобленная молодежь убивала андроидов, но протестовать против корпораций-производителей, роботов в обществе и искусственного интеллекта стало модно. Ненависть к андроидам стала молодежной субкультурой.

Глава 1. Отрицание

Твою ж мать, нельзя столько в себя заливать... и мешать нельзя... и ложиться в постель нужно не в той одежде, в которой ты до дома ковылял. Ох, какая тяжелая голова. Что за звук?! Он разрывает мне башку... По ходу, будильник уже всю надрывается. Даже не знаю, как давно телефон в углу пиликает. И почему, кстати, он там лежит? Может, уже и не вставать никуда. Проспать, поесть нормально, а там посмотрим, что делать.

О, на кухне отец шумит. Раз уж он не в офисе, придется встать и поздороваться. Может, хотя бы в школу не выгонит? Может, сжалится надо мной? Правда, прежде чем я это узнаю, освежусь в душе, переоденусь и загляну к нему – чем-нибудь перебыюсь с утра и налью себе стакан воды, воды, воды...

Другое дело, жить стало легче. Правда, голова, хоть и внешне посвежевшая, все еще знатно гудит. С кухни приятно пахнет крепким кофе – пожалуй, пойду на запах. А еще, по-моему, отец сообразил с утра пораньше омлет... хотя как с утра, я уже, по идее, час как в школе.

– Доброе утро, пап, – окрикнул я отца, который, добавляя в свое кулинарное творение очередную порцию специй, даже не заметил, как я вошел.

– Привет, – ответил он мне. – Как дела, гулена?

– Нормально, бывало и хуже... хотя и лучше, конечно, тоже бывало.

– Садись, будем есть.

Стоило приземлиться на табуретку, передо мной появилась большая тарелка с яичной лепешкой, помидорами, сочным перцем и жареным беконом. Кружка кофе со сливками и стакан воды... видать, я совсем плохо выгляжу.

– Тебе к скольким в школу? – спросил отец, явно подзревая, что как-то я припозднился.

– К одиннадцати, – резко выпалил я, пытаюсь звучать естественно.

– Точно? Ничего не перепутал? – как бы с намеком ответили мне.

– Ничего не перепутал. Я просто проспал, промылся и проел, – с самодовольным видом парировал я.

– Ну так а врать-то зачем?! – немного повисил на меня голос отец и замахнулся на подзатыльник, но бить не стал.

Лет до четырнадцати мне частенько прилетало от папы по голове. Нет, никогда он меня не лупил, и побои снимать не приходилось. Было это скорее в профилактических целях, чтобы показать, мол, сынок, ты провинился, изволь получить. Так, небольшого тумака отвесит, волосы взъерошит, прочитает нотацию и успокоится. Лишь один раз он мне понастоящему двинул. Мне было двенадцать, нас с друзьями раздражал паренек мексикашка примерно нашего возраста.

Он всегда мыл стекла у машин, припаркованных неподалеку от нашего дома. Мы же, проходя мимо него, постоянно ему напоминали, кто он и где его место – так, по мелочи: то воду из ведра на чистую машину выльем, чтоб ему потом попало, или монеты, которую ему хозяева авто давали, отберем. Один раз он мне вслед кинул тряпку, так мы его догнали, затащили с улицы к помойке, отвесили ему пару раз по его безмозглой головешке и дружно запихали в мусорку, от души поржав. Этот гаденыш пожаловался маме, а та накатала заявление в полицию, в котором меня описали во всех красках. В общем, мне в тот день хорошенько попало. С полицией папа разобрался, но мой затылок сильно пострадал. С тех пор я либо не косячил, либо тщательно маскировался.

Со временем нотации и подзатыльники закончились, теперь я, вроде, взрослый и должен сам понимать, когда не прав, сам нести ответственность за свои поступки и сам решать проблемы, если таковые появились. А подзатыльник остался лишь в виде замаха, который только демонстрировал, что я оплошал, хотя мог бы поступить по уму.

Отец сел рядом и, явно никуда не торопясь, принялся за такой же набор, что и у меня в тарелке. К тому, как я учился и «регулярно» ходил в школу, папа относился нормально. Он и сам был не ангелом в школьные годы – прогулы, подтрунивания над учителями, вызовы родителей в школу, куча замечаний за поведение. Поэтому мне отец делал скидку, хотя наглеть не позволял и иногда включал строгого папашу.

– Как доешь, собирайся и иди в школу, – включил режим суровости отец.

– Хорошо.

– Машину не бери, а то остановят, дыхнуть попросят и останешься без прав.

– Нууу пап, не остановят. Да если и остановят, потом все решим.

– Ну-ка цыц, – сказал отец и, кажется, хотел еще раз замахнуться, но, похоже, решил не частить. – Не наглей мне тут, «потом решим». Если есть возможность, это не значит, что ею нужно злоупотреблять. Сегодня обойдешься без машины, и точка! Дело не в том, кто тебя остановит, и как мы это решим, а в том, что потом это будет на всех сайтах и ТВ, а по сетям сразу же разойдется молва, какой ты сякой «богатенький мальчик на Range Rover». Дали машину, катайся, получай удовольствие, но не наглей.

– Ладно-ладно, убедил.

– Я, кстати, на днях уеду. Предположительно, послезавтра, надо будет смотаться в Филадельфию на встречу с профсоюзами...

– Тебе или твоей шестерке? – перебил я.

– Не называй его шестеркой, Уокер – нормальный политик, просто я инвестирую в его кампанию, чтобы потом он инвестировал в меня. В конце концов, ради президентской кампании, которая может вылиться в рычаги прямо в овальном кабинете можно и помотаться по стране. Нужно лично

проконтролировать, кто что говорит, где кто стоит, и как все организовано.

– А новый завод в Хьюстоне, который ты на прошлой неделе открыл, на самотекпустишь?

– Во-первых, это не завод, а электростанция. Во-вторых, не на самотек, а на органика. Он останется в Вашингтоне и прекрасно во всем разберется.

– Не боишься роботу доверять?

– Что же ты до них докопался, сынок, – сказал отец, хмыкнув. – Не боюсь, это же моя копия. Он как-то раз вместо меня многомиллионный контракт подписывал – справился ничуть не хуже, все прочитал и некоторые пункты даже подправил. Все будет нормально.

– Ладно, я пошел, спасибо за завтрак, ты меня реально оживил.

– Ключи на стол положи...

Черт, пришлось подчиниться и добираться до школы на монорельсе.

На улице сегодня не жарко, честно говоря. Эта осень какая-то особенно депрессивная. Дело не только в школе и закончившихся каникулах – тоску нагонял пронизывающий ветер и невыносимый холод. Из-за этих «морозов» входит в школу иногда буквально больно. Эти штуки, которые берут капельку крови у двери и, лишь сравнив образец с данными в базе, пропускают внутрь, по холодной погоде дольше

обычного протыкают палец и как-то неторопливо тянут капельку крови. Потом прокол еще долго болит. Так и в этот раз «тупая» игла еле-еле прошла сквозь кожу – ауч, больно. Конечно, безопасность превыше всего, особенно после всех этих стреляющих психов в школах, но каждый раз тыкать иглой в палец – это прямо-таки издевательство.

Как выяснилось, я умудрился опоздать на четвертый урок из пяти, который как раз начинался, когда я пришел.

– Доброе утро, миссис Коллинз.

– Эрис, спасибо, что почтили нас своим присутствием. Проходите, садитесь. Сегодня вам повезло, вы делаете тест по первому юниту.

Все в классе уже сидели, уткнувшись в плексигласс экран, встроенный в парту. Я добрался до своего места. Активировал отпечатком свой профиль, открыл предмет «Современная история: 2000 и по наши дни», зашел в папку с тестами и начал.

Время теста закончилось, он, собака такая, автоматически деактивировался за два вопроса до конца. Проснись я на 10 минут пораньше, может быть, и доделал бы. Да ладно, уже насрать... там и без того все более-менее правильно, а два не отвеченных вопроса погоды не испортят. Пойду схожу еще за кофе.

– Здорова, Эндрю. Хай, Крис.

– Привет, ты живой? – с ехидным выражением лица спро-

сил Эндрю.

– Ага, здравствуй, действительно, ты как? – поддакнул ему Крис.

– Да я сама бодрость, пойдете за кофе.

Через минуту мы уже стояли у автомата, и я ждал, пока это допотопное чудо, вывалит мне в стакан растворимую отраву, зальет ее кипятком и засыплет сахаром.

– Вы случайно новости вчера не смотрели? – поинтересовался Крис.

– Неа, а что там такого было, аж ты вдруг решил нас об этом спросить?

– Прикиньте, в Лондоне борцы с робозаразой накинудись на андроида, а он оказался каким-то строптивым.

– То есть? – заинтересовался Эндрю.

– Их было четверо, у каждого было по лому в руках. В общем, какие-то железные балки. Один ударил сзади, а тот, ничего не сказав, развернулся и зарядил ему в ногу. Того отбросило, нога тут же отказала... будто отнялась. Он и второго тоже быстро успокоил, на что-то надавил на шее, тот сразу сознание потерял. Двое других убежали, а робот вызвал полицию. В итоге, замели всех троих.

– Почему всех троих? Андроида тоже в полицию забрали?

– Двоим грозит смертная казнь, накинудись на робота. Они же якобы расисты, а андроида на экспертизу отправят. Будут выяснять, почему он нанес вред людям.

– Да почему-почему, – негодовал я. – Наши дебилы

конструкторы создали им правила, которые они могут нарушать. Как только можно было сделать второй закон вариативным?! Они таким макаром допрут, что можно и другие положения менять. Дойдет до того, что мы будем убийства с роботом подозреваемым распутывать. Потом еще скучать будем по тем временам, когда людей люди же и убивали.

– Ты прав, ты прав. Может, на днях напомним им, в чем мире они живут? А то давно мы на дело не ходили.

– Можно. Даже нужно! Но это потом обсудим, – сказал я и отправился с друзьями на урок.

Мы зашли в класс и побрели к нашей парте у окна. Все галдели, учителя еще не было, что странно, звонок-то уже прозвенел. Только я подошел к столу, услышал за своей спиной цоканье каблуков. Когда я приземлился на стул, у доски стояла директриса Эмбридж, а рядом с ней какой-то высокий худой мужик, смотревший на класс отстраненным взглядом. Уголки губ были чуть приподняты, и он, вроде бы, старался выглядеть приветливо, явно хотел расположить к себе своим внешним видом, но что-то в нем был не так.

– Добрый день, присаживайтесь, пожалуйста, – обратилась она к классу и тут же продолжила. – Сегодняшний урок «Теории и практики программирования» проведет мистер Стивенс, Ллойд Стивенс. Он – ваш новый учитель по этому предмету, у него высшая категория, и над его программой трудился десяток лучших программистов государственного

инновационного центра.

– Программой? Нас будет учить жестянка? – из-за моей спины крикнул Крис.

– Не жестянка, а андроид, – подала голос жестянка. – Имейте уважение. Между прочим, это административная статья. За публичное оскорбление наши законы предусматривают немалый штраф, поэтому следите за своим языком.

Вся приветливость мистера Стивенса улетучилась. Не сказал бы я, что у него самая совершенная программа. Можно же было сгладить углы и не идти на поводу у придурка Криса, а он зачем-то принялся угрожать и пугать административной статьей. Толку-то...

– Берд, еще раз и отправитесь на курс со школьным психологом, там вас научат толерантности, – встала на защиту андроида Эмбридж, а затем продолжила презентацию. – Наша школа получила грант и право стать экспериментальной площадкой пилотного проекта, за которым стоит будущее современного образования. Это новая ступень в развитии общества. Мистер Стивенс – первый андроид-учитель. Его создали, как базовую модель, внесли знания ведущих программистов, а затем он за три месяца прошел шестилетний курс педагогики и изучил программу преподавания программирования. Прошу любить и жаловать.

На этих словах Эмбридж вышла из комнаты, а Стивенс остался один на один с классом.

– Итак, как вы уже поняли, меня зовут Ллойд. Если не бу-

дет никаких резких выпадов в мой адрес или в сторону других учеников, мы с каждым поладим. Называйте меня по имени, так будет проще организовать рабочий процесс. Сейчас каждый назовет мне свое имя, чтобы я вас знал. Начнем с вас, молодой человек у окна.

– Марк Эрис, – сказал я, передав эстафету по цепочке. Все называли свои имена, а андроид лишь кивал головой. Он делал это с какой-то еле заметной улыбкой, было ощущение, что он выпендривался. Всем учителям требовалось несколько уроков, чтобы запомнить класс из 30 человек, а он просто составлял у себя в голове базу данных. Переключка закончилась, и Стивенс сказал:

– У вас ко мне есть какие-нибудь вопросы?

– Кто над вами работал? Чьи знания вам загрузили? – подняв руку, спросила с передней парты местная задротка.

– Софи, поскольку проект пилотный, это конфиденциальная информация. Быть может, если эксперимент удастся, а я надеюсь, что все так и будет, вы узнаете имена авторов моей программы, но пока могу перечислить лишь несколько компаний: Microsoft, Apple, Oracle, Symantec, Amadeus IT, SAP и Ares Robotics.

– Ares Robotics? Мой отец постарался?

– Да, мистер Марк Эрис, этот проект изначально предложен его инновационной группой, а для моего изготовления использовался один из производственных цехов Ares Robotics.

– А вы органик или синтетик? – задал вопрос Эндрю.

– Конечно, синтетик. Что за идиотский вопрос? Органик не может функционировать без оригинала и должен использоваться только в случае крайней необходимости. Пилотный проект не может быть крайней необходимостью, – вмешался я.

– Не грубите, Марк. Правда, надо признать, по части определения крайней необходимости вы правы. Как мне сказали, комиссия, выносившая решение по проекту, решила так же, поэтому я – синтетик. Был вариант создания органической копии преподавателя из «Лиги плюща», который бы работал одновременно в университете и в вашей школе, однако, повторюсь, такая альтернатива не показалась комиссии крайней необходимостью. Было решено создать андроида-педагога.

– Скажите, нам только что рассказали, что вы за несколько месяцев прошли курс педагогики. Это какой-то сжатый курс? Почему он так мало длится? И чему вы нас сможете научить с такими поверхностными педагогическими знаниями? – поинтересовался парень Гарет, сидевший на галерке – толковый, но ленивый.

– Они не поверхностны. Я получил вначале бакалавриат, а затем магистратуру – полный шестилетний курс. Ввиду большого количества свободного времени и обширного опыта, которым со мной щедро поделились создатели, он дался мне легко, – снова выпендрился андроид.

– Как вас приняли в учительской? Только честно, – спросила Энджи – красивая, глупая и ветреная.

– По-разному. Кто-то смотрит на меня, как на обычного человека, кто-то как на возможность заработать денег на гранте, кто-то мне рад, а кто-то, наоборот, видит угрозу и говорит, что потом мне подобные заполонят школы по всей страны.

– И они правы... – пробубнил под нос я, а жестянка, оказывается, меня услышал.

– Все зависит от них, Марк, – ответил он мне. – Видите ли, я ничуть не выгоднее обычного учителя. Работаю я не больше положенного по трудовому кодексу. Никаких сверхурочных и занятий после уроков, не вижу в них смысла. Получаю ту же зарплату, и так же, как и любой другой учитель, должен проходить проверку квалификации. Если будут учителя сильнее меня, я останусь без работы.

– Вы говорите это с сарказмом, в вас же база от лучших софтовых компаний в голове, и вам не нужно проводить вечер за книжками, чтобы что-то выучить. Прочитал, запомнил, рассказал. Вам даже не приходится выстраивать план урока, копаться в бумажках, проводить вечера за подготовкой – за все выстроит программа. Никаких усилий, это же нечестно по отношению к людям, к их труду.

– Зато говорят, что люди человечнее. Я, правда, не всегда с этим согласен, но так говорят. Меня учили педагогике и психологии, я могу быть человечным.

– Вы заблуждаетесь, не может быть андроид на одном уровне с человеком.

– Марк, давайте закончим эту беседу, пока вы не перешли на личности, оскорбления и нарушения закона.

– Давайте, – сказал я. Ничего мы еще к этому вернемся, заносчивый ты ублюдок.

Андроид привстал с парты, на которой он сидел последние 10 минут, и поднялся на помост перед мультимедийной доской. Он активировал ее отпечатком и вновь обратился к классу.

– Миссис Эмбридж сказала мне, что на прошлом уроке вы проходили базовые навыки создания мобильных приложений. Для каких платформ: iOS, Android, Windows, AR, Yota, GooglePhone?

– Пока Android, – сказал кто-то из глубины класса.

– Хорошо. В общем, смотрите, дело обстоит так. Поскольку мы потеряли немного времени в начале, затем познакомились, я теперь не уложусь в план урока, и мне не хватит буквально пяти минут, чтобы рассказать и наглядно показать всю информацию. Поэтому я дам вам свое приложение, оно пустое. В нем есть несколько страничек с разной структурой и незаполненными текстовыми и интерактивными полями. Ваша задача – ознакомиться со структурой, наполнить ее информацией и создать справочное приложение, которое поможет пользователю разобраться в той или иной проблеме. Задание очень простое, и, уверен, все с ним справятся. Сей-

час же разошлю вам приложение на домашнюю почту, а пока можете быть свободны.

30 стульев сразу же выдвинулись из-под парт, и класс зашумел. Хоть учитель и жестянка, несколько очков на свой счет он заработал – отпустил за полчаса до конца урока.

В то время как в школе звенел звонок, отпускающий всех учеников домой, я уже переступал порог своей квартиры. Дома было тихо и пусто. Я бросил через всю комнату на диван портфель и включил телевизор, чтобы хоть какую-то оживленность придать комнате. Затем, стягивая одной рукой через голову толстовку, второй – я уже искал на столе HoloLens... нашел, нащупал кнопку «Power» и пошел на кухню за стяжкой Dr.Pepper и пиццей из холодильника. Когда добавленная реальность подгрузилась, перед глазами появились иконки и развернулся функционал различных интерактивных домашних предметов. На голой стенке я нашел стрелялку «I, Robot» и погрузился в мир пальбы по человекоподобным фигуркам. В этот момент в кармане шорт завибрировал телефон, а в правом верхнем углу игрового поля появилось оповещение:

Крис Берд: «Выйди в онлайн, там создали группу – намечается туса на выходные».

Что там еще... Ага, в субботу у Лилли Симс сваливают родители, будет свободная хата и море выпивки, собирается весь класс. Хм, заманчиво. Пока я читал общий диалог,

в правом углу экрана всплыло еще одно сообщение от Криса.

– Что думаешь насчет субботы?

– А что тут думать! Лилли хороша, она будет у себя дома, надо бы с ней обкатать ложе ее родителей)).

– Да это-то понятно)) У нас же намечалось дело на субботу, не?

– Сюда только не отписывай... Помню я про дело, нам же лучше. Сагитируем всех в клуб, ну или хотя бы пару-тройку человек, засветимся там на входе, появимся перед местным фотографом, печати на руки проставим, а потом отлучимся на пару часов. Как раз все будут думать, что мы тусим, а мы будем в этот момент заняты.

– Стратег хренов)

– Я подгоню пару бочонков Heineken!!! – отписался я уже в общую беседу.

– Здорова, что делаешь? – подошел ко мне Крис в школьном коридоре. Я приехал в школу минут на 10 раньше обычного, благо, проскочил все пробки, и сидел в коридоре, нервно тыкая пальцем в планшет.

– Привет, домашнее задание... Я нахер забил дома на это приложение и отрабатывал навыки стрельбы из «Беретты».

– Ну ты даешь, я вчера полвечера протрахался с этим приложением.

– А я вот решил сделать все по-быстрому, сейчас наваяю чего-нибудь для галки и сойдет.

Прозвенел звонок, все повалили в класс, а я дотыкивал в строчке последнее предложение и оформлял приложение. Получалось действительно «для галки».

Стивенс пришел секунда в секунду. У этого «дроида» немецкая педантичность, поэтому я немного опоздал. Извинившись за мою непунктуальность, я сел на свое место, а наш новый робоучитель меня с добродушной улыбкой проводил взглядом на место.

Само собой, начали мы с домашнего задания, и, само собой, опрашивать наш креативный препод решил по алфавиту. Кто там первый в списке? Эрис Марк (Ares Mark)...

Я тянул, как мог... включил планшет, зашел в приложение и только потом активировал синхронизационную панель на пикси-глассе. Монитор парты обнаружил на своей поверхности планшет, «захватил» изображение с него и спроецировал на экран всего стола, а затем и на мультимедийную доску с секундной задержкой.

– Так, что тут у нас? Книга рецептов... Ничего оригинального, посмотрим исполнение, функционал, поищем какие-то контекстные находки. Быть может, Эрис вы даже интерфейс начальный поменяли.

«Ага, семь раз», – подумал я. Стивенс пролистывал страничку за страничкой, менялся в лице. Он даже временами кривился, а когда замечал опечатки в словах, которые я набивал на скорую руку, даже поворачивался ко мне, одаривая меня уничижительным взглядом. Чего докопался? Домаш-

ка же есть? Есть! А как она сделана, уже по барабану. Главное, что потом хвостом досдавать не придется.

– Эрис, то, что вы сделали, конечно, примером для подражания не назвать, – нарушил он тишину, повисшую в классе на пару минут. – Вы, оказывается, не в состоянии даже из готового шаблона сделать нормальное приложение. Некоторые страницы остались пустыми, кое-какие клавиши никуда не ведут. Задумка скудная... Как вообще можно делать книгу рецептов всего лишь с одним рецептом, да и ладно бы речь шла о каком-то деликатесе. Вы же описываете омлет!

– Яичную лепешку, – в полголоса перебил его я.

– Не имеет значения. Все просто и весьма заурядно. Оформление никакого, вы даже цвет шаблона не удосужились поменять. Более того, некоторые рабочие сегменты приложения невероятным образом перестали работать. Знаете, я ожидал большего от сына основателя и директора Ares Robotics. Ваш отец и его работники программу прописывают намного лучше, а вы, если будете так учиться, никогда в компании собственного отца работать не сможете. Пожалуй, вам придется сделать домашнее задание еще раз, я запишу эту работу вам в долг.

– Но я же сделал!

– Это никак нельзя назвать хорошим приложением.

– Какая разница, на зачет все равно тянет.

– В том и дело, что не тянет.

– Вон у Филдса еще хуже будет, – ткнул я пальцем в сына

владельца местной продуктовой сети, который по интеллекту был сопоставим с любым товаром из лавки овощей в магазине своего отца.

– Готов поспорить, хуже быть не может. Сядьте, мои решения не обсуждаются. Еще слово, и я через директора лично свяжусь с вашим отцом.

Пришлось покорно сесть. Я залез в карман и нащупал там фантик от жвачки. На нем я незаметно накалякал четыре слова. Эту бумажку я подсунул на заднюю парту к Эндрю и Крису. Они вместе развернули ее и посмотрели на меня удивленно. Там было написано: «Я нашел нам цель».

Прозвенел звонок, я собрал портфель и, секунд 5 посверлив взглядом нашу жестянку, именуемую учителем, направился к выходу. В тот момент, когда я только занес ногу за порог, меня кто-то пихнул в бок.

– Ты взбрел что ли? Какая еще цель? – как ни в чем не бывало, говорил Крис.

Я, не ответив ни слова, ускорил шаг, вытащил этого придурка за руку в коридор, потянул рукав вниз и еле слышно, почти шепотом со злостью сквозь зубы сказал:

– Ори громче. Ты будто не понял, какая цель... В выходные, когда все будут бухать, мы разделаем нашего умника Стивенса на части.

– Да как...

– Ни слова больше, все потом.

В этот момент нас догнал Эндрю. Мы потопали по забитому, шумному коридору в кабинет литературы.

После занятий наша компания двинулась в Starbucks. Я прям видел, как этих двоих распирает сказать мне «Нет, ты что, не нужно. Он же учитель». Ежу понятно, оба ссут, как девочки. Так или иначе, нас не может учить робот, это противостоестественно. Робот не может найти подход к ученику, он не человечен, он не может общаться с нами на равных, ему не понять, кто умен, кто талантлив, кто обладает задатками, он полагается на сухую статистику. Учитель может стать чуть ли не членом семьи. Он видит, когда ребенку плохо, когда хорошо, когда его нужно подбодрить, когда нужно оставить после уроков и поговорить – робот такого не видит. Их делают похожими на людей, но они не люди, а лишь набор шестеренок и микросхем, работающих на последнем обновлении программного обеспечения. Если роботов и использовать, то лишь в качестве обслуги: пускай разносят пиццу, собирают урожай, подметают полы... другая работа для них слишком ответственна, особенно учить детей. При этом жестянки умудряются нами командовать, оскорблять, унижать перед всем классом. И какой только курс психологии он проходил, что теперь такое себе позволяет. Надо им растолковать, как нужно себя вести.

– Что ты удумал? – спросил меня ерзающий на стуле Эндрю, как только я сел перед ним с пончиком и стаканом ко-

фе в руках.

– Да ничего такого. Все, как обычно, я подобрал нам андроида. Раньше вас это не смущало.

– Раньше ты выбирал кого-то наобум, чуть ли не тыкая пальцем в толпу. Мы его не знали, он нас не знал, да и наказывали мы их за дело. То старику дорогу перейти не поможет, то в автобусе маленького мальчика без билета в темном переулке высадит. А тут-то что? – продолжил Эндрю.

– Он позволил себе лишнего, – жуя, ответил я.

– Да ты просто на него взъелся, это личное, – подал голос Крис.

– Вот ни хера подобного. Сегодня это был я, завтра это можешь быть ты, кто угодно. Если есть один случай, будет и другой.

– Хорошо, допустим, есть за что. Это в любом случае риск. Он нас знает. И я тебе больше скажу, раньше мы выходили на тех, кто допоздна работал. Их можно было просто выследить, подкараулить и сделать дело. Что ты будешь делать здесь, он же дома сидит, когда со школы возвращается.

– Все будет, но позже. В голове уже крутится несколько задумок. В конце концов, мы же не идем без плана. Завтра отец улетит в Филадельфию, соберемся у меня, и все обсудим, – подытожил я и принялся с ехидной улыбкой допивать кофе. – Но наш поход на тусу никто не отменял. Можно же совместить приятное с полезным... ммм, Лилли ждет.

На часах было четыре, мы сидели в моей комнате. Крис уткнулся в комп, он уже второй час пыхтел над уровнем в новом «Call of Duty» и сквозь мат пытался его пройти. Эндрю сидел рядом и работал у него штурманом, хотя скорее мешал, чем помогал. Я же в планшете рыскал по сайту школы.

Должны быть указаны контакты учителей на случай, если родители захотят обсудить успеваемость или еще что-нибудь. Так, Ллойд Стивенс – номер телефона есть, адреса проживания нет. Номер-номер... пробьем его в общедоступном справочнике. Данных нет. Придется лезть на хакерский ресурс и просить базу данных. Итак, адресная строка, курсор, waspsnest.com, форум и создать тему. «Нужна ли база данных мобильных номеров по Вашингтону, либо пробить номерок». Пришел ответ: «Номер в студию». Палец забегал по экрану, и в теме от меня появилось следующее сообщение: «832—555—2002, нужен адрес проживания». Спустя минуту мне написали ответ: «Тысяча долларов». Дороговато, но какая разница: «Идет». Тема обновилась через 10 минут: «Владелец – Ллойд Стивенс, цена выросла – две тысячи долларов». Возник закономерный вопрос: «С чего бы вдруг?». Тут-то и выяснилось, что номер правительственный, а дом, в котором живет его владелец, официально принадлежит одной крупной компании. Не удивлюсь, если речь о папиной Ares Robotics. Так и быть, две тысячи, так две тысячи. Наличку условились оставить в закладке. Место закладки и адрес Стивенса мне выложили прямо в тему,

но лишь на 15 секунд, чтобы я успел его скопировать. Затем всю беседу подтерли и зачистили.

– Итак, он живет на Карвель Роуд, возле парка «Литтл Фоллс». Местечко одновременно удобное и не очень. Улица тупиковая, но стоит с нее выехать, там сразу куча путей для отхода. Если у него есть машина, возьмем ее. Если нет, придется на моей, но тогда рисков становится еще больше.

Эндрю отвлекся от экрана, выдвинул стул и переключил свое внимание. Крис ненадолго обернулся, бросил мне свое одобрительное «ага» и продолжил палить с виртуальной винтовки по несуществующим солдатам, в очередной раз мечтающим изменить мировой порядок.

– Завтра среда, и, начиная с завтрашнего дня, нужно готовиться. Я буду за ним следить, надо посмотреть, как он живет, что делает до и после школы. Кто знает, может у него какие-то повадки есть...

– Ты похож на маньяка, – прервал меня Эндрю. – Сидишь, чего-то планируешь. Он же просто робот. Какие у него повадки? Пришел, вырубился, проснулся, пошел работать.

– Да ну ты брось, все равно надо быть осторожным. Ты же не хочешь смертельную инъекцию.

– Ее и не будет, я же несовершеннолетний.

– Чего докопался... мы же говорим про план.

– Да не учи ученого. Все, как обычно, или ты настолько на него обозлился, что решил сделать что-то иначе. Крис раздобудет три дрына, шокеры. Я припру нашу экипировку.

В свете последних событий немного ее усилю, а то мало ли.

– Каких событий?

– Лондонский строптивый андроид, – подал голос Крис.

– Ах да, точно.

– Вот-вот, – подхватил Эндрю. – Надо либо хоккейную защиту раздобыть, либо какие-то пластины вставить под одежду.

– Главное, чтобы все было черным. Надо, чтобы нас узнавали на YouTube и всяких других хостингах. Масочки наши не забудь, – со смешком сказал я. – Раз всем все понятно, за дело.

Эндрю и Крис уткнулись обратно в монитор, а я – в планшет. В сети все бурно обсуждали лондонский случай. Андроид обездвижил одного человека и отправил в бессознательное состояние второго. При этом в итоге оказалось, что нападавшие не получили никаких травм, ни царапины. Роботу и компании-производителю даже нечего предъявить. Да уж, при желании эти жестянки стали бы идеальными киллерами, не оставляющими следов.

Среда – Уроки закончились, но домой я не пошел, а устроился вместо этого у себя в машине. Стивенса нужно было дожидаться, проводить до дома и вернуться. Не выходил он из школьных дверей долго. Мне хватило времени, чтобы сбежать до фастфуда, купить себе ведро с курицей, картошкой и луковыми кольцами, а потом залипнуть в книжку.

Стивенс никак не появлялся, я от скуки уже дочитывал первую часть книги из школьной программы. Никак не пойму, почему это классика, и нам нужно ее прочесть. Главные герои какие-то бестолковые, безыдейные и попросту омерзительные. Вот зачем они, нализавшись молока, поколотили старика... четыре здоровяка, а на пожилого человека. И что, по мнению учителей, мы должны почерпнуть из такого дебильного чтива. Бейте всех подряд, не утруждайте себе ничем... мда.

«Пит держал его за руки, а Джорджик раскрыл ему пошире пасть, чтобы Тему удобней было выдрать у него вставные челюсти, верхнюю и нижнюю. Он их швырнул на мостовую, а я поиграл на них в каблучок...»

Со временем книжка мне осточертела, да и язык в ней какой-то странный, слова коверканные. Нечто бредовое, мутузят людей беспомощных. Свины... уроды. Эту писанину я отбросил и облокотился на руль, надел наушники и включил себе Cannibal Corpse – эти олдскульные ребята уже очень давно не выступают, их еще мой отец в молодости слушал, но они все же помогут мне не уснуть, под дэткор попробуй усни. Правда, оказалось, что против сна никакой рок, даже самый тяжелый, не властен. Меня начало клонить на бок, на часах уже было начало шестого, и сидение на месте, да еще и после сытного обеда, явно располагало к сладостному дрему. Я уже был готов на все забить, ударить себя по щекам и отправиться домой, но в этот момент из дверей нетороп-

ливой походкой и с не сползающей с лица улыбкой вышел Стивенс.

Стивенс появился на крыльце и остановился. Он встал с правильной осанкой, широкими плечами и немного приподнятым подбородком под самым козырьком. Затем он плавно повернул голову налево, затем направо и через секунду уставился на меня. Он смотрел прямо мне в глаза и уверенно двинулся в мою сторону. Как же ты меня только заметил? Твою мать, какую только оптику напихали в твою головешку. Стивенс приближался, а я медленно сползал по спинке сидения. Вот он уже шагал по асфальту возле моего капота, я в этот момент уже чуть ли не под руль залазил и ждал, пока он заглянет в мое окно или, того хуже, постучит по стеклу со своей довольной улыбкой.

Стука не было, и чего он только тупит. По-любому сейчас выгляну, он как раз в окошко мне смотрит. Колебаться пришлось недолго, через секунду я услышал, как на соседнем парковочном месте завелся двигатель, и машина тихо, еле-еле урча, сдвинулась с места. Я выглянул – со стоянки уезжал гибридный минивэн Toyota. По ходу, за рулем сидел Стивенс. Это ж надо было умудриться припарковаться рядом с машиной жестянки, которую мы через три дня раздерем на запчасти.

Ехал Стивенс неторопливо, даже как-то вальяжно и интеллигентно. Знаете, так либо пенсионеры катаются, либо салагги из автошколы. Ехать за ним следом и не спалиться очень

сложно. Но с другой стороны, почему я таким интеллигентом быть не могу? Главное в зеркала заднего вида ему своим лицом не светить – для этого я опустил козырек в машине и одел темные очки, которые, правда, порядком мешали, ибо на улице было пасмурно, и все небо затянуло тучами.

Мы подъехали к его дому, милому бежевому домишке. Достаточно просторному на вид и вполне обычному – с гаражом, зеленой лужайкой и дешевыми пластиковыми окнами. Стивенс зарулил в гараж, а я чуть-чуть проехал и припарковался на другой стороне улицы.

Андроид сидел дома, на улице уже начало смеркаться, меня снова одолевал сон. У него даже шторы в окнах не дергались, он уже, наверное, ушел в ночь на подзарядку. Толку за ним следить, надо ночью сюда вернуться, чтобы успеть к его подъему и выходу на работу.

Я завел двигатель, развернулся и поехал. Тут-то по закону подлости и открылась дверь в доме Стивенса – как раз в тот момент, когда я проезжал мимо. И вы не поверите, андроид вышел на улицу с одной целью – выгулять собаку, маленького забавного мопса.

– Охренеть, робот выгуливает собаку, это зачем вообще? Зачем ему дома собака? – не веря своим глазам, говорил я вслух и по-новой парковал машину. Я остановился так, чтобы лужайку перед домом было видно, но Land Rover в глаза не бросался, а то, если он на меня обратил внимание, глаза машиной мозолить не нужно.

Итак, со школы он вышел в 16:40, потом все время сидел дома, и вот сейчас в 21:40 он, мать его, выгуливает собаку. Пока в моих заметках появлялась новая запись, к Стивенсу подошел какой-то мужик. Они мило беседовали – собака рядом дела делает, а они с улыбкой что-то обсуждают. Разговор длился минут пять, затем Стивенс похлопал мужика по плечу и пошел домой, а его друг, прошагав через лужайку на соседнем участке, зашел в дом, стоящий слева. Дважды охренеть, он еще и дружбу с соседями водит. Что за робот такой? Собаку дома держит, с соседями дружит... еще какие сюрпризы.

Ключ в замке повернулся, дверь открылась, вот я и дома. Сейчас быстренько переоденусь, умоюсь и сяду смотреть сериал – как-никак на Netflix вышел первый сезон «Хроник Сары Коннор», оригинал был отвратный, последний фильм франшизы тоже, посмотрим, что наворотят в ремейке... хотя обещал же себе больше «Терминатора» не смотреть.

Бзякнул телефон, пришло сообщение от Эндрю:

– Я все достал, будет стильно)

– Чего раздобыл? – поспешно напечатал я на телефоне.

– Черный-черный костюм, как у гонщиков мотокросса.

Там усиленная грудина, локти и ноги.

– То, что надо.

– Ага, а еще есть одна прикольная фишка. На предплечье там резьба в виде часового механизма. Клевые такие шесте-

ренокки, нечто вроде стимпанка.

– Круто, а где ты их надыбал, аж три штуки?

– У меня у брата друг занимается мотокроссом. Они, правда, на квадроциклах гоняются, но одна херня, по сути. В общем, у них сезон закончился, и вся команда шмотки сдала к нему в гараж. Я незаметно взял. Потом сходим на дело, и я так же незаметно обратно положу. Все чисто.

– Класс, что еще сказать. А Крис влезет, а то он, хоть и 17-летний, но совсем не маленький))

– Да, здесь тоже все, как по заказу.

Ставим галочку, шмотки нашли. Маски Эндрю тоже завезет. Завтра в школе надо будет потормошить Криса на предмет оружия. А пока Сара Коннор, пицца и Dr.Pepper. Раз отца нет, сяду-ка я на диване перед телеком со жрачкой и заценю сериальчик.

– Ничем полезным не хочешь заняться? – услышал я из-за спины папин голос, который застал меня с пиццей в зубах и крошками на пузе.

– Думал, тебя нет дома.

– Я спал, – ответил он каким-то томным голосом с недовольным выражением лица.

– Что-то случилось?

– Да ты случился, – обрывисто бросил он мне и облокотился на дверной косяк.

Я перестал жевать. Чего надо-то? Что на него нашло? Может, поездка сорвалась, или пустоголовый Уокер что-то вы-

кинул, а ему теперь разгребать и с пиарщиками выдумывать ему оправдание. Ладно, попробуем аккуратно уйти от разговора.

– Я сейчас поем, серию досмотрю и пойду уроки делать.

– Надо же, – протянул он первую гласную с саркастичной интонацией и легкой ухмылкой. – Уроки он решил поучить, а раньше не судьба было? Мне из школы звонили. Что ты там устроил с приложением? Сложно было болванку заполнить?! Я думал, это любой дурак в состоянии сделать. Или игрушки, стрелялки и сериалы не дали мозги включить?

– Ты чего завелся-то, это же просто домашка.

– Да в тебя столько вложено, в тебе столько потенциала, а ты его тратишь непонятно на что. Мне все говорят, что нужно подождать, что ты со временем реализуешься, найдешь свою нишу и свернешь горы, но тебе уже 17, а просветов я не вижу.

– Кто все? С кем это ты меня обсуждаешь...

– С коллегами. Я порой их послушаю и думаю, что даже любая, как ты говоришь, жестянка приносит больше пользы, чем ты.

– Да пошел ты, лети уже со своим Уокером в Филадельфию, – сказал я, стиснув зубы.

– Первые встречи в Филадельфии пройдут уже завтра утром, они запланированы на 8 и 10 часов. Самолет с делегацией штаба кандидата в президенты прилетает через 74 минуты.

И тут до меня дошло. Отец уже улетел в Филадельфию, а это чмо с кремнием в черепной коробке проснулось несколько минут назад, когда отец отъехал от дома на нужное расстояние. Меня отчитывала машина... Машина! Со всем уже страх потеряли, отчитывать меня, фактически своего хозяина. Интересно, кого это он своими коллегами называет. Каких-то других роботов, или он папиным друзьям на работе втирает, что я бездарность. От злости мои челюсти сжались еще сильнее, хотелось наброситься на это искусственное отродье и разукрасить, как следует. Но, черт, на нем же отцовское лицо. В общем, все, на что меня хватило, – это кинуть в него кусок пиццы, который, ударившись о грудь, сполз вниз, оставив на рубашке кусочки сыра.

– Ты ничем не отличаешься от всех людей, – сказало оно, хмыкнув, с явным намеком на мою глупость.

Жестянка вышла из комнаты и пошла в кабинет. Я бросил сериал и схватился за телефон. Отец, видимо, был еще в полете, и телефон у него был выключен. Нужно было кому-то все выложить, а то я был готов разнести всю мебель и электронику в комнате. Эндрю ничего не скажет, Крис в виду своего скудоумия ответит мне обычными для него: «Охренеть», «Так надо было втащить» или того хуже «Хера себе». Зайду через HideMyProху на форум, там выговорюсь, выпущу свое негодование наружу.

Нужно высказаться. Только что на меня наорал органик, сделанный с отца. Суть в том, что отец никогда на меня

не орет. А этот не только голос повысил, а еще и поддевал за живое. С трудом сдержался, чтобы не накинуться на него с кулаками. Больно много эта жестянка себе позволяет.

И еще, он сказал, что обсуждал с коллегами (не совсем понял, кого он имеет в виду – роботов или людей с отцовской работы) меня и то, насколько бесполезна моя жизнь. Урод. Была бы моя воля, весь этот лишай на теле общества расплавил бы в печи, причем живьем, чтобы они понимали всю палитру человеческих ощущений и поняли, что человек не может быть вечно улыбающимся и счастливым, таким, как они. Человек не может быть идеальным во всем, не может пахать день и ночь, не может набраться сил, проспав пару месяцев в капсуле. Но человек это истинное творение бога, он – настоящий. Нужно научить этих жестянок уму разуму. Если кто-то задумал рейд на ближайшее время, поддерживаю – этих ублюдков нужно изводить и истреблять.

Запись быстро собрала полторы сотни комментариев, несколько репостов в разные группы, да и вообще нашлось много воодушевившихся, которые готовы с битой выбивать из железной башки микросхему за микросхемой.

Наутро я снова поехал к дому Стивенса, школа начиналась с 8:30, а возле дома нашей ненаглядной цели я был уже в 6:30. Я припарковался на том же месте, с которого я наблю-

дал за его прогулкой с собакой. Спать хотелось дико. Благо, по пути я успел заскочить в McDonald's и взять себе кофе. Правда, кофеин не спасал. В сон все равно клонило – тогда я включил радио, нужно создать эффект присутствия кого-то в машине, чтобы этот кто-то мне наговаривал на ухо инфу, а я ее впитывал и отвлекался от грез о кровати.

Горячей темой сегодняшнего утреннего выпуска становится очередной так называемый рейд радикалов-робофобов. Их новый налет обернулся трагедией – погиб человек. В этот раз пострадавших среди андроидов нет, но группа из трех налетчиков вся была доставлена в больницу, и один из них скончался от полученных травм. Нам известно, что нападавшие пытались ворваться в центральный офис Ares Robotics, чтобы стереть базы данных, используемые для программирования служащих различных профессиональных сфер. Они вскрыли двери и проникли в коридоры офиса. В этот момент их засекли датчики движения, сигнал которых активировал андроидов-охранников. Радикалы были вооружены железной арматурой, однако охрана оказалась быстрее и подготовленнее. В результате, к приезду полиции, также среагировавшей на срабатывание сигнализации, двое получили серьезные травмы – один не может наступать на ногу, она почти обездвижена; второй не в состоянии пошевелить обеими руками, так как у него сломаны обе ключицы. Третий нападавший был сразу же направлен в реанимацию, он упал с высоты третьего этажа, вы-

летев из окна вместе с целым стеклопакетом. У него диагностированы закрытая черепно-мозговая травма, множественные переломы и обширное кровотечение. Врачи спасти человека не смогли. Других деталей полиция пока не представляет, Ares Robotics готовит официальное заявление.

Вот это поворот, как говорится. Значит, роботы все-таки могут нарушать законы и убивать людей. Тем более это же роботы Ares Robotics, наверняка, у них есть какой-нибудь экстренный протокол на случай угрозы безопасности компании. Похоже, после Филадельфии папа далеко не сразу пойдет домой. Думается мне, у него теперь много проблем, раз выяснилось, что роботы, как и люди, способны убивать. Главное, чтобы он второго органика не завел, ибо две дерзавших копии отца – это уже слишком.

Вообще, пугающий тренд. Побойсь в офисе Ares Robotics – уже второй случай за неделю, когда андройды увечат людей. Так это быстро станет обыденностью, и все начнут относиться к совершенным роботами убийствам как к данности. Вот сто процентов, что скоро мы узнаем об ограблениях, мошенничествах и прочих преступлениях, которые провернули механизированные члены общества. Нет, такой прогресс нам не нужен.

Тут дверь дома Стивенса распахнулась, время было 6:50. Хм, для выхода в школу рановато. Одет он был странно. Ну как странно... опять же, не для школы. На нем был черный спортивный костюм Adidas с тремя полосами, бело-черные

кроссовки, а в ушах можно было заметить «эппловские» наушники-невидимки. Честно говоря, видок у него был знатный... высокий, стройный, даже атлетичный... с таким видом ему бы в рекламе сниматься.

Выйти в 6:50 в спортивном костюме, неужто наш робот бегать собрался. Не поверите, но да. Он посмотрел на часы, потыкал что-то в телефоне и в довольно бодром темпе засеменял в мою сторону. Я резко нагнул голову и ненароком расплескал кофе. Пришлось неслабо напрячься, чтобы не вскрикнуть от боли. Пока моя рука офигевала от кипятка на ней, Стивенс убежал вдаль. Я видел его в зеркало заднего вида, но не знал, что делать. Если развернуть машину и ринуться за ним вслед, будет слишком заметно, особенно утром, когда на улице такая пустота.

Мои размышления прервал iPhone. В этот момент зазвонила трубка, на экране высветилось «Папа».

– Привет, пап, – сказал я.

– Привет, встал уже? Не прогуливаешь без меня учебу?

– Нет, как раз пью кофе и в школу готовлюсь.

– Молодец, чего вчера звонил? Я в самолете был, мы едем с Уокером на пресс-конференцию, и у меня есть пара минут с тобой поговорить.

– Да так ничего особенного, – сказал я, замешкавшись несколько секунд, и переформулировал свою мысль. – Пап, скажи, а насколько роботы могут выходить за рамки своей начальной программы? Насколько они способны эволюцио-

нирывать? В чем именно они подражают людям?

– Само собой, они выходят за рамки базиса... а зачем ты спрашиваешь? Случилось чего?

– Нет, просто... эээ... по робототехнике задали реферат, и нужно было взять экспертный комментарий. Вот я, недолго думая, позвонил тебе.

– Вот как, в общем, объяснять долго, а времени у меня не много, поэтому вкратце. Само собой, робот может выходить за рамки базовой программы. Он обучается, эволюционирует. Если он не востребован в одном, он может попробовать себя в другом. У него заложена потребность выживания, он будет избегать бесцельного существования и бомжевания. Андроид в силах полностью отказаться от изначальной программы, если рынок будет перенасыщен, или робот поймет, что опыт, полученный им в изобилии, поможет ему переключиться на более прибыльную отрасль, он это сделает. Они все – прагматики.

– То есть он может и моральную установку изменить? В смысле три закона робототехники...

– Нет, это исключено. Эти законы не могут быть нарушены, априори. Мы тестировали их, выпуская в общество болванку, у которой заложены лишь программа накопления опыта, а затем три закона робототехники, нормы морали и ряд знаний о войнах, конфликтах, народных волнениях, равноправии и толерантности. Болванки набирались опыта, шли работать официантами да уборщиками, но никто из них

не переключался на преступность или убийства. На тестовом этапе, конечно, бывали случаи, когда одно программное обеспечение конфликтовало с другим, и робот начинал кромсать людей, не добившись от них того, чего он хочет. Но было это очень давно, еще на этапе исследовательского центра. В общем, ты знаешь про этот случай, когда робот забил двумя ударами нашего сотрудника, разорвав ему печень и расколов череп. Эту проблему мы решили, и больше такого не происходило – больше никто об этом не вспоминает. Несколько раз хакеры воровали роботов, стирали моральные установки и пытались перепродать машины всяким преступным группам. Сработало, надо признать, но теперь робот, которому стирают три закона, автоматически самоликвидируется: органики – пускают иглу в мозг, синтетики – полностью форматируют жесткий диск.

– Но в принципе это возможно, раз были случаи?

– Да нет же, видишь ли, вначале накладывается программа накопления опыта, она первична, и без нее в обществе робот существовать не может. Затем в этом же цехе, не выходя из этой комнаты – таков строжайший протокол, накладываются три закона. После этого уже в отдельном цехе раздаются профнаправления.

– Ага, то есть мораль не первостепенна...

– Что же ты докопался, не успеют они научиться ничему плохому. Процедура проводится в серой коробке, внутри лишь один человек, за ним ведется видеонаблюдение, комна-

та при этом закрыта по всем нормам безопасности. Ставится наложение опыта, затем проводится диагностика и запускается установка трех законов. Система работает уже больше десяти лет, все без сбоев, акции растут.

– Хах, понятно. Ну ладно, не буду тебя отвлекать, тебе, наверное, работать уже надо.

– Да, как раз все уже собираются. Давай, до встречи. В воскресенье буду.

Интересно, папа еще не знает про случай в офисе или просто решил умолчать? Впрочем, не важно.

Я дождался Стивенса. Он зашел домой и появился в том же самом спортивном костюме, но уже с собакой. Выгуляв питомца, жестянка вновь зашла внутрь. Стивенс переоделся, вышел спустя 15 минут... Уж не знаю, потеют ли роботы. В 8 часов он уже был в школе. Я не ехал за ним, решил выбрать другую дорогу, дабы не палиться. Пришлось приехать раньше и дожидаться уже на стоянке.

В школе было все, как обычно, впрочем, как и вечером – ну если можно назвать обычным андроида, выгуливающего собаку. Он, кстати, опять мило беседовал с соседом, а потом отправился спать. Ясно одно – брать его придется после выгула, а иначе сосед может его хватиться. Нам нужно, чтобы до понедельника все было тихо, ибо в воскресенье ночью мы выложим ролик.

До того самого дня оставалось меньше суток. Алгоритм

полностью повторился. Как бы он не прикидывался человеком, все равно робот – все по расписанию, прямо по часам, но нам от этого и легче.

Вечером я позвал ребят, мы затарились пивком и собрались у меня дома, чтобы обсудить план действий. После школы, пока органик прикидывается моим папой и руководит Ares Robotics, ребята закинули мне оружие и экипировку, я поставил на зарядку старую видеокамеру, которая была настолько допотопной, что не закачивала сразу с места съемки файлы на облачный сервис, зато снимала в отличном HD. Отследить камеру, не подключенную к сети, нереально, поэтому мы ее с радостью использовали, хотя она и была старше нас. Когда органик уснул, Эндрю и Крис уже сидели в моей комнате.

– Тебе светлого или темного? – спросил меня Крис.

– Темного, давай бутылку и садись к компу.

– Ок-ок, босс, – сказал он с улыбкой.

Через минуту я, Крис и Эндрю уже сидели у компа и пялились в Google Maps.

– Итак, он живет на Карвель Роуд. Будем брать поздно вечером, когда все либо сидят перед телеком, либо спят, либо заняты друг другом. Я прикинул, единственный возможный вариант – скрутить его у него же дома. Если получится перегрузить систему и вырубить, потом вывезти на моей машине и уже в Уэстморленде возле речушки записать кино.

– Погоди-погоди, – прервал меня Эндрю. – Ты хочешь ска-

зять, что мы потащим его на центр улицы к машине на виду у всех?!

– Нет, конечно же. Его дом стоит возле ответвления. Очень удобно, я подгоню машину справа от хаты, вы зайдете вместе с Крисом и Эндрю в дом, уработаете его и через заднюю дверь вынесете. Ах да, чуть не забыл – у него дома собака, не удивляйтесь. Ничего серьезного, обычный маленький мопс. Ему хватит банального перцевого или газового баллончика. Шокер на него не тратьте, а то и заряд потеряете, и собаку угробите. Просто прыснуть ему в морду, он заскулит и убежит.

– Собака у робота – это что-то новенькое, – с задумчивым видом сказал Эндрю.

– Я тоже охренел, когда увидел. Он ее дважды в день выгуливает, представь себе. Вернемся к плану действий, во дворе я вас встречу, мы уложим жестянку в машину, затем выйдем на дорогу. Минуты через 3 от его дома начинается Джеймстаун Роуд, мы сворачиваем на нее – налево. Через 7—8 минут приезжаем в парк по Дювалл Драйв. Там уже по проселке едем к речушке. Я уже подметил нам неплохой уголок. Он безлюдный, там небольшой песочный пляжик, как раз человека на четыре. Снимать будем с видом на воду, будет темно – никаких лиц видно не будет. То, что это происходит посреди Вашингтона, тоже будет сложно разобрать; пейзаж покажется вполне себе пригородным.

– А если он очухается посреди дороги? – спросил Крис.

– Для этого ты с ним и будешь сидеть всю дорогу. Если какие-то телодвижения начнутся, тут же пришпоришь его шокером. Теперь конкретно про то, как вы будете вламываться в дом, – сказал я и взял из ящика стола лист бумаги, чтобы максимально наглядно объяснить, что мы будем делать.

Я нарисовал входную группу. Судя по строению дома, у него есть небольшая прихожка. Там-то и нужно его скрутить, ибо что дальше в глубине дома, хрен угадаешь. С одной стороны, это же андроид, некоторые вообще обходятся одной кроватью, но Стивенс со странностями. Не удивлюсь, если у него прямо какая-нибудь дизайнерская хата. Я на пальцах объяснил Эндрю и Крису план – один кивал, второй чесал в затылке. Надеюсь, Эндрю сможет руководить этим остолопом. В крайнем случае, придется бросить их в его доме и свалить, будто меня там и не было.

План действий следующий. Они приходят к дому, залепляют бумажным стикером глазок и встают так, чтобы из боковых окон, не рассмотреть лиц. Затем Эндрю стучится, а Крис уже на изготовке. Как только он слышит «Кто там?», тут же со всей дури впечатывается в дверь. Он – амбал и, если приложится ближе к косяку, сможет и дверь выбить, и с ног Стивенса сбить. Затем к нему должен подоспеть Эндрю. Он разрядит в жестянку первый шокер. Не дай бог, не сработает – Крис ударит вторым шокером. Если и этого не хватит, они затянут ремень на голове так, чтобы пережать язык во рту, и наденут на голову мешок. Как только андроид-

да скрутят, Крис и Эндрю возьмут его за руки, за ноги и оттащат к заднему входу. Эндрю откроет дверь изнутри, там уже их встречу я с машиной.

– Самое главное – ни слова. Вы не должны говорить при нем. План у вас есть, действуйте по нему. Чуть что, общайтесь жестами, но желательно минимум отступлений. Он – робот, он с вами знаком, и в нем программа, а не мозг. Стивенс может вас опознать по голосу, идентифицировать, и это будет провал, – чуть ли не по слогам проговорил я последнее предложение.

– Все понятно, не разговаривай с нами, как с даунами, – сказал Эндрю и ткнул меня кулаком в плечо. – Что насчет нашего алиби?

– С этим все просто и одновременно сложно.

– В смысле? – прервал Крис.

– В идеале нам бы явиться к жестянке около 12 часов, но, если у Лилли все будут троить, мы к 12 не успеем и придется идти к Стивенсу позднее. У Лилли мы собираемся в восемь, в десять всех нужно вытащить в клубак, как раз к полонинадцатому подрулим в клуб «9:30», там, к слову, будет концерт L-Zar.

– Может ну нахер этого Стивенса, оттянемся под хип-хопчик, – с задором выпалил Крис и неказисто изобразил нечто похожее на танцевальное движение.

– Мы оттянемся, но ровно полчаса. Может, зацепим пару треков. Главное, засветиться на фейсе и перед фотогра-

фом. Потом выйдем покурить и незаметно свинтим. Круто было бы еще быстро управиться и вернуться в клуб, – подытожил я.

На этом обсуждения завтрашнего дня закончились. Мы зарубились в FIFA 38, распили один из припасенных на тусовку бочонков и уснули, изрядно захлапив комнату. Завтра надо будет купить еще Heineken... На часах стрелка близилась к 4 утра.

– Хехехей, народ, я знаю, вам тут без нас было очень тухло, – я рвал глотку, пытаюсь перекричать колонки, из которых долбил хаус. В руках у меня был бочонок Heineken, второй тащил Эндрю, а Крис раздобыл немного дури. Правда, им обоим я сказал лишь изображать тусняк, но не пить и тем более не курить.

Домик у Лилли был что надо: два этажа, куча комнат, кухня с барной стойкой и большим холодильником. Посреди зала длиннющий журнальный столик из стекла – на нем уже лежало много запрещенных веществ. Мда, дурь у Криса – это еще цветочки. Одна спальня уже была закрыта изнутри, и возле нее очередь занимала другая парочка. Перед барной стойкой красовался большой обеденный стол – его оборудовали под «бирпонг». Вокруг уже все успели залить пивом. Огромный плазменный телек оккупировали любители видеоигр, туда-то Крис с Эндрю и отправились. Ладно хоть сами додумались, что это самое непьющее место в хате.

Я поднял голову – на второй этаж уходила длинная закругленная лестница, на ней стояла Лилли, смотревшая на меня с бокалом в руке.

– Лилли, уже иду, – проговорил я в полголоса себе под нос.

Лилли – эффектная штучка, на нее смотришь и хочешь. Красивая сучка – светлые длинные волосы, миловидное личико, грудь что надо, к попке рука так и тянется, и голос, не высокий, но и далеко не самый низкий, такой мелодичный, переливающийся, обволакивающий.

Она со мной поздоровалась, а я еще раз подумал: какой голосок, какие сладкие губы... В руках Лилли держала виски с вишневым соком. Учítывая, что в баре ничего кроме Chivas я не видел, дикая пошлятина – мешать столь дорогой виски с чем-то, фу.

– Как дела? – я решил начать разговор с банальности.

– Хорошо, я постепенно пьянею, а вся эта толпа громит мой дом.

– Почему ты их не остановишь?

– А есть ли смысл? Нет. Если я буду бегать с дикими глазами и орать на каждого, кто проливает пиво, сыпет порошок в ворс ковра, или, вон посмотри, кидает джойстик в пол после проигранного матча... хотя нет, тут можно и наорать. Хьюз! Хьюз, мать твою!!!

Ага, вот оно, поскольку Хьюз во всем этом шуме голоса Лилли не слышал, я включился со своим басом. Заорал

как можно строже его имя. Он услышал и посмотрел на меня взглядом, который как бы говорил «WTF?!». Я погрозил ему, но в нем уже было столько спиртного, что он был готов взбежать по лестнице и устроить со мной бои из разряда смешанных единоборств. К счастью, потом Хьюз увидел, как второй рукой я демонстративно водил за спиной Лилли в области попы. Он все просек, улыбнулся и поднял большой палец.

– Спасибо, – сказала Лилли, взяла меня за руку и повела в сторону стеклянного шкафа со спиртным на втором этаже. Помимо спальни, небольшой комнаты с телеком и каким-то бесконечным диваном, была еще просторная лоджия, в которой только и делать, что расслабляться с ромом в руках.

– Давай перейдем на что-нибудь покрепче, поблагодарнее, – предложил я, присмотрев в шкафчике Bacardi Millennium.

– Давай, – игриво поддержала меня Лилли.

В лоджии стояло пару каких-то полукресел-полулежанок, дорогой стол с филигранной резьбой на ножках, из его крышки выдвигался сверхплоский телек... Кто же у нее отец? Дом у нее явно покруче нашей элитной квартирки в многоэтажке по центру города.

Один лежак пустовал, на него-то мы и уселись. В Лилли было достаточно градуса, чтобы она развалилась у меня на коленках с двумя бокалами рома. Я глотнул свой, а эта сумасшедшая жажнула его залпом и следом наливала второй.

– Ты сбавь обороты, – не нужно мне, чтобы она прямо сейчас меня потащила в койку. Правда, руку на зад я все-таки положил, постукивал по ягодице пальцами в ритм одной из кричалок Washington Capitals.

Так мы провалялись почти час, воркуя на пьяные темы. За это время Лилли уже полностью облапана и облизана. Такое ощущение, что рома в ней уже было больше, чем в бутылке. Ей я подливал регулярно, а сам до сих пор первый не допил.

– Пойдем в родительскую спальню.

– Нет, – ошарашил я Лилли.

Она выпрямилась, скривив рожу. Весь ее вид говорил «В чем твоя проблема, чувак?». Девочка созрела, а ей от ворот поворот. Надо спасти ситуацию.

– Лилли, мы сделаем иначе, – поднялся я к ней, положил ладонь на шею и прижался лбом; перегаром от нее несло, как будто она уже неделю бухала, не просыхая. – Поехали в клуб.

– Зачем? – спросил она, икнув.

– Сейчас мы всех заставим прибраться. По крайней мере, сметем все преступное. Алко скидаем, вещества в унитаз спустим, травку спалим. Все свалят, мы потусим два часа в клубе, а к 2 ночи я украду тебя у подруг, мы вернемся сюда и отождём. Когда там возвращаются твои родители?

– В ночь с понедельника на вторник.

– Значит, отождем два дня подряд.

Эндрю смонтирует ролик и без меня, подумал я. Лилли

тем временем бежала на первый этаж – там кто-то уже спал, но эта блонда всех растолкала и запрягла пойти на общественные работы. У нее явно есть задатки топ-менеджера, надо признать. Я нашел Криса и Эндрю.

– Лилли, поедет с нами, – начал я.

– Прямо на дело?! – изумился Крис.

– Ты что пил? – учуял запах из моего рта Эндрю.

– Нет, остолоп, и ори погромче, не все еще слышат про дело. И да, я пил, но даже меньше шота, – ответил я на оба вопроса.

Пьяную Лилли я усадил на заднее сиденье с Крисом, Эндрю занял штурманское место. Мы добрались до «9:30» первыми и припарковались у черного входа. Я высадил ребят, а сам отправился на фейс, там у меня были знакомые. У парадного уже выстроилась километровая очередь, причем самого разношерстного содержания – от бичей до богачей. С улицы было слышно, как кто-то выступал на разогреве. На фейсе стоял смазливый паренек, решавший, кому заходить, а кому идти домой. Хрен пойми, чем он руководствуется, когда говорит «in» или «out». Чтобы никто его не поколотил, рядом поставили лысого амбала шириной с двусторчатый шкаф. Странно, конечно, что у них за фейс-контроль до сих пор отвечает человек. Это один из последних клубов, где процесс еще не автоматизировали до камеры, программы и двух табличек разного цвета. Была бы автоматика, не было бы очереди. Я подошел с краю от колонны людей и напра-

вился к фейсеру, ловя на себе косые взгляды недовольных.

– Куда? – отгреб меня рукой амбал.

– Спокойно, я не внутрь, я спросить.

– В конец очереди, – монотонно ответил он мне.

Тогда я попытался докричаться до фейсера через руку громилы. Он, конечно, был недоволен и уже начал меня толкать прочь от входа, но мой вопль смазливый паренек все-таки услышал.

– Кого-кого тебе надо? – переспросил он меня с надменной и «голубой» интонацией.

– Эмили. Она сегодня работает?

– Да, сейчас позову.

Фейсер ушел и вернулся меньше, чем через минуту с Эмили. Она сегодня подменяла администратора, это я понял по бейджу на белой рубашке, которого обычно не было. Мне улынулись, а потом обняли.

– Как жизнь? – спросила Эмили. – Давненько тебя не было видно.

– Да повода заглянуть не появлялось, а жизнь нормально, все как обычно.

– «Как обычно» у тебя – это даже очень неплохо для нормальных людей, – с ухмылкой ответила она. – Тебя снова запустить с черного входа?

– А, может, мы прямо здесь зайдём? Просто машина у парадного припаркована.

Эмили немного помялась, но потом ответила утверди-

тельным кивком и улыбкой.

– Сколько вас?

– Четверо, – показал я пальцем на себя, а затем за спину.

Внутри было жуть как людно, можно было уснуть на танцполе и не упасть. Мда, поэтому я и несчастый гость в ночных клубах, вот бары – другое дело. В общем, чего ныть, ведь нам толпа только на руку. Надо бы побыстрее откопать клубного фотографа и попасть в отчет о вечеринке, для Instagram фотку сделать, чтобы выложить ее попозже. Только для начала нужно отключить определение местоположения на iPhone, а то ведь глупо будет так спалиться. Осталось сбросить на время с хвоста Лилли.

– Что тебе взять?

– Не знаю, выбери сам.

Хм, какой соблазн. Не, больше крепкого ей нельзя, а то я все-таки хочу с ней в кровати резвиться, а не волосы во время рвоты держать. Я наклонился к бармену и попросил его сделать мохито, безалкогольный и в большом стакане.

К счастью, содержимое дома Лилли, то бишь наша тусовка, довольно быстро начало подтягиваться в клуб. В толпе мелькали знакомые лица. Оу, а вон и подружки Лилли. Отлично, идите сюда. Время – 22:43, мне нужно, чтобы вы ее отвлекли, мы нашли фотографа, помаячили перед ним и благополучно слились.

Из клуба мы выдвинулись немного позже, чем я планировал. От графика отставали на 17 минут – с ультрафиолетовыми печатями на руках Я, Крис и Эндрю вышли вместе с остальными покурить да проветриться, учитывая, что я сигареты в зубах ни разу не держал. Как только все куряги зашли внутрь, мы ретировались обратно на парковку.

К дому Стивенса мы подъехали тихо и неторопливо, не привлекая особого внимания. На часах было 23:37. Улица все еще светилась, но свет в домах жестянки и его общительного соседа уже был выключен. Осложняло лишь то, что на дворе была суббота, и кое-где посередине улицы догуливали барбекю-пати, но там орала музыка, и вряд ли им будет дело до того, что творится в одном из отдаленных от них домов.

– Выждем 10 минут, посмотримся и начнем, – сказал я. – Еще раз все проговорим.

– Мы все помним. Стучимся, потом уже один раз мощно плечом в дверь стучит Крис, бьет под самый косяк и резко, как только услышит ответ, – начал рассказывать план Эндрю. – Затем я влетаю внутрь, разряжаю шокер. Крис в это время закрывает дверь, да, Крис?

– Да-да, я закрываю дверь, подключаюсь к тебе, разряжаю в Стивенса второй шокер. Затем мы за ноги и за руки выносим его через заднюю дверь к машине.

– Все верно, и самое главное...

– Ни слова, – сказали Эндрю и Крис.

– Отлично, ждем еще 8 минут и стартуем.

Мы переоделись, надели маски и форму. На улице все было без изменений: любители барбекю гужевали, жестянка и сосед спали... С погодой нам тоже повезло, было ясно и тепло, но ветрено. Ветер играл нам на руку – улица была очень зеленой, и каждый новый порыв создавал такую шумовую завесу из шелеста листьев и завывания, что можно было орать антиандроидные лозунги, и никто бы ничего не понял.

– 23:47, поехали... ни слова, – скомандовал я.

Крис и Эндрю вышли из машины и двинулись к дому Стивенса. Они пересекли улицу и по тропинке поднялись на крыльцо. Я тихонько поехал к дому сбоку и тормознул так, чтобы видеть, что творится.

Крис заклеил глазок, Эндрю постучал – реакции не последовало, через секунд 10 он постучал вновь – в дальней комнате зажегся свет. Спустя секунд 5 зажегся свет в прихожке и через какое-то мгновение Крис вынес к чертям дверь. Было видно, как от косяка отлетели щепки. Эндрю вломился следом. Я не видел, повалили они Стивенса или нет, но поехал к задней двери. Если через 5—7 минут они не выйдут, надо сваливать.

Стоя у задней двери, я натянул на лицо маску и капюшон на голову, бросил мимолетный взгляд в зеркало заднего вида, чтобы проверить, не торчат ли волосы из-под колпака. Как только я перепроверил, все ли нормально, принялся сверлить глазами дверь дома Стивенса. Это самые дол-

гие пять минут в моей жизни. Обычно все намного проще: выбрал робота, денек за ним походил, вечером встретил его в безлюдном переулке и с криками да воплями прибил. Там же разобрал, сварганил видео, и бац, ты – звезда «ютуба». Тут все сложнее. Честно говоря, за этот этап я переживаю больше всего. Проще всегда все делать самому, жаль, что это сейчас невозможно... Главное, чтобы Эндрю не дал Крису натупить. Эндрю адекватный, разумный, на него можно положиться. Крису же нужно писать инструкцию большими черными буквами, причем на табличке, прибитой к его лбу, чтобы перед лицом вечно эти буквы зияли. Желательно еще эти буквы сопроводить картинками, мало ли – для наглядности. Черт, что они возьмется... Блин, прошла всего минута.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я начал прокручивать план в голове. Вот мы приезжаем на берег, вываливаем его на землю, оттаскиваем к воде. Эндрю готовит камеру, а мы с Крисом беремся его за разборку робота, но не торопимся – лишь фиксируем, чтобы никуда не убежал. Весь процесс должен быть на камеру, а иначе какой прок. Эндрю дает отмашку, тычет «Рес», и Крис вертит башку на 360 градусов. Голова слетает... Тут-то Эндрю и отдает камеру мне. Я сажусь и селфюсь в маске, пока на заднем фоне эти двое разрывают оставшееся тело на части, периодически демонстрируя конечности в объектив.

О, я уже предвкушаю, что скажу: *«Здравствуйте, с вами „Механики“, мы снова чиним наше общество, чистим его*

от этих андроидных тварей, которые занимают наши места, лишают работы и нарушают сами принципы человечности». Тут-то надо будет ударить себя в грудь и запалить шестеренки на предплечье. «За вами двое моих друзей демонстрируют всем зажавшимся умникам, которые вздумали, что им нипочем законы природы, эволюции... так вот, они демонстрируют, что робот просто не в состоянии выжить в нашем обществе. Вы только подумайте, мы рвем не работа-поломойку, не работа-фрезеровщика, не тупого администратора, а самого настоящего учителя. Эта жестянка учила ваших детей, мнила, что может быть лучше, чем профессиональный педагог, что способна дать человеку больше, чем сам человек. При этом, вы не поверите, но в жестяной башке творилось что-то неладное. Андроид пытался скрыть свою сущность, он позволил себе на равных общаться с соседями, выгуливать собаку, бегать по утрам... Зачем? Зачем жестянке втираться в доверие обычных людей? У него точно были какие-то свои планы, ведь, если ты ни в чем не повинен, незачем скрывать правду, незачем прятать свою механическую натуру. Сегодня мы очистили общество от еще одного слабого, ненужного, нездорового элемента, от которого страдали дети и могли пострадать многие другие. С вами были „Механики“, мы затянем гайки за тех, кто должен».

Твою мать, где эти двое. Я разве что спектакль тут уже

не дал, пошла шестая минута... Стоило мне подумать, распахнулась дверь. Я выдохнул. Судя по всему, все прошло гладко. Крис и Эндрю, как ни в чем не бывало, несли тело к машине, они накрыли его чем-то черным. Когда они подошли ближе, я открыл им заднюю дверь. Что-то черное оказалось одеялом. Эндрю сел ко мне, Крис обвил руками голову Стивенса и прислонил шокер.

– Он в отрубке, – сказал Крис, намекнув, что пока мы можем говорить.

– Все нормально?

– Да, все прошло гладко, – ответил Эндрю. – Крис чуть переборщил с силой, он вынес многовато деревяшек с косяка, а еще Стивенс оказался прямо каким-то очень тяжелым. Он при падении пробил стену из кирпича и просто расплющил под собой маленький барчик, совмещенный со столом, но отрубился быстро. Мы разве что сильно намусорили. С собакой тоже проблем не было, он пару раз успел гавкнуть, но, как ты и думал, стоило брызнуть из баллончика, мопса не видно, не слышно.

– Все, пора валить. Дальше впредь ни слова, а то вдруг очухается. Сразу говорю, мы с Крисом его вытаскиваем, ты настраиваешь камеру, свинчиваем голову и только потом начинаем говорить.

– Ок, – ответил Эндрю.

– Понял, – поддакнул Крис.

Мы выдвинулись. Отъезжая, я глянул в зеркало заднего

вида. У соседа загорелся свет. Ха, поздно ты проснулся, нас там уже нет.

Мы свернули с Дювалл Роуд в парк... Красивый, надо сказать, парк. Можно взять его на заметку и, если понадобится изобразить перед какой-нибудь девчонкой романтику, сводить ее сюда, полюбоваться красотами природы, посмотреть на звездное небо, полежать на лужайке. Реально красиво и, что самое главное, ни души.

Я остановился возле пляжика, который мы выбрали, заехав на машине поглубже в кусты, а то мало ли какого бомжа сюда занесет, может, здесь кто-нибудь ночует. На часах было 00:15, все шло по графику – нагнали. Мы с Крисом выволокли Стивенса из машины – он реально оказался очень тяжелый – и посадили возле воды, Эндрю поставил камеру на штатив. Тут-то Стивенс начал приходить в себя, а я-то уж думал, что он совсем слабак. Крис, недолго думая, разрядил в него третий шокер, мой. Это железное тело снова обмякло – мы придали ему форму, усадив на колени. Крис держал жестянку за голову, я обхватил сзади за плечи, чтобы, если вдруг тот очухается, не смог вырваться.

И так, let's start the party! Эндрю махнул, и Крис тут же начал каким-то невероятным усилием крутить башку. Казалось, сквозь одежду видно, как у этого здоровяка вздуваются вены на мышцах. Он пыхтел, кряхтел и крутил башку. Голова развернулась на 180 градусов, а Крис уже выдохнул... по-

хоже, он теряет форму, раньше сворачивал в секунду. Пошел второй подход, Крис давил на голову что есть мочи. Долгое время головешка ему не поддавалась, а, когда она все-таки чуть-чуть сдвинулась, прямо передо мной что-то щелкнуло.

Я не понял, что это такое сработало. На мгновение после этого щелчка с металлическим эхо повисла тишина. Крис почему-то опешил, убрал руки и сделал шаг назад. Лишь потом я понял, что его ошарашило. На башке Стивенса открылись глаза. Поскольку он был в рабочем состоянии, повис тупняк... никто не мог сказать ни слова и не знал, что делать. Первым сориентировался я, начал тянуть его всем своим весом к земле, чтобы повалить, и тогда, быть может, до Криса допрет – надо подбежать и докрутить головешку.

Повалить учителя оказалось непросто... Стивенс замолотил по песку ногами, перемалывая его будто миксером. Он не опустился даже на сантиметр. «Какой же, сука, мощный андроид», – промелькнула мысль. Внезапно его голова развернулась на меня, то есть она сама повернулась в противоестественное положение на 210 градусов. Глаза смотрели на меня в упор. Мне стало страшно. Тут зрачки сменились ярким светом, который меня ослепил. Мои глаза пронзила ужасная боль, я со всей дури рванул его вниз, буквально свалившись на плечи.

Тут-то Стивенс поддался... он бахнулся на жопу, но на спину не завалился. Победа была мимолетной. Я почувствовал, что суставы жестянки, которые я сжимаю, заше-

велились. Теперь тупняк начался уже у меня. Это что еще за херня?! Панический приступ прервала легкая контузия, с двух сторон меня чем-то ударило по ушам. Я разжал руки и упал на спину, потерявшись в пространстве. В себя я пришел быстро, когда затылок напоролся в песке на камень. Как ни странно, удар привел меня в чувство, и я увидел жуть какую неожиданную картину.

Стивенс не просто был в рабочем состоянии, он, мать его, перешел в какой-то боевой режим. Суставы действительно перекрутились, они вывернулись на другую сторону, как и локти. От этого перевертыша я и получил ладошками по ушам. В данную секунду переворачивались ноги, бедра сделали молниеносный маневр, и робот уже не стоял на коленях. На песок опустились две ступни, Стивенс был готов к прыжку из какой-то противоестественной позы. Сейчас он был меньше всего похож на человека. Его глаза светили ярким светом в сторону Криса, тот закрывал лицо и щурился... в мгновение ока обе ноги разогнулись, и эта машина смерти одним махом пролетела три метра. Стивенс набрал высоту так быстро, будто у него в заднице реактивный ранец запрятан – он снес коленом Крису челюсть. Удар был настолько мощным, что у бедолаги оторвались ноги от земли, и он гулко упал на мокрый песок возле воды. Стивенс на этом не остановился, он сделал пару шагов к Крису, который выл от боли. Встав на обе ноги, андроид смотрел на громилу сверху вниз.

– Крис Берд, вы понесете наказание за это нападение, – сказал Стивенс, видимо, распознав по воплям голос.

Андроид замахнулся, и ударил Криса по шее. Он перестал выть, брыкаться и дышать. Все это произошло в считанные секунды, никто ничего понять не успел... Первым очухался Эндрю, он понесся на Стивенса с припасенной железной трубой, которые мы обычно использовали, как дубинки. Эндрю подлетел к андроиду и по-бейсбольному двинул ему по голове сверху вниз. Наверное, на секунду он даже обрадовался – содралась кожа, голова немного сошла с шеи, обнажив ее внутренности. Подбородок задрался настолько, что Стивенс не видел нападавшего, он наотмашь ударил правой рукой, пустив ее по широкой дуге. Что ж, вышел неплохой хук, который пришелся прямо Эндрю в правое плечо. Он упал, но не выключился из боя, ибо кулак угодил в защиту. Следующий удар Эндрю нанес под колено, надеясь выбить сустав. Ему это удалось, но успех сменился неудачей. Нога прогнулась внутрь, и робот упал лицом в песок рядом с Эндрю. Этого ему хватило, чтобы сориентироваться, и все той же правой рукой впечатать голову моего друга в песчаную землю. Андроид, будто прессом, плющим голову Эндрю о песчаную землю.

Тут уже проснулся я, прошел звон в ушах и оцепенение... Я подбежал и вцепился в руку робота, чтобы Эндрю мог выбраться и помочь мне, но услышал, как заработали механизмы слева от меня. Снова перекручивался сустав на ноге.

Правое бедро развернулось так, что Стивенс, лежа на животе, умудрился наступить на ногу Эндрю, да так сильно, что та хрустнула... я увидел торчащую кость.

В этот момент рука, которую я тянул вверх подозрительно, поддалась, и это стало для меня сюрпризом. По инерции я потерял равновесие и попятился назад, тем временем машина смерти встала. На меня шел робот, он тащил за собой одну ногу и рыскал бездушными глазами, с трудом улавливая через вздернутый подбородок, где я стою. Я схватил брошенную Эндрю трубу и решил, что надо окончательно сбить башку. Особо не колебавшись, руки попытались сделать такой же хоумран, какой удался Эндрю за полминуты до этого.

Труба остановилась на полпути в ладони Стивенса. Он поймал ее и дернул на себя вместе со мной. На встречном движении моя голова встретилась с правой рукой андроида – из глаз полетели искры. Я отлетел на полметра, понимая, что правый глаз стал хуже видеть, все плывет. Труба тем временем осталась в руках у Стивенса, он сделал выпад, оставив позади вывернутую ногу, и махнул трубой с правой. Инстинктивно я подставил локоть, иначе он бы мне точно башню снес. Ударом мне выбило руку из сустава, разорвало кожу под мышкой и к чертям все переломало: плечо, ключицу, верхние ребра. Я бросил взгляд под мышку – там была кровь и, кажется, тоже виднелись кости. На рефлексах я пнул его в ответ, метясь все туда же в подбородок. На удивление, удар получился что надо – то что не вышло у Эндрю трубой,

получилось у меня ногой. Голова отлетела и приземлилась в воде. Кошмар какой-то. Не учитель, а терминатор... Пора сваливать.

Крис был мертв, у меня все плыло в глазах, Эндрю был как минимум без сознания. Надо валить. Я забрал свою камеру, которая, оказывается, записала всю пару минут нашего избиения, бросил ее в машину вместе с трубой, снял маску и дал деру с этого пляжа.

Не знаю и не помню, как я доехал от парка до дома. У меня с трудом получилось попасть ключом в замочную скважину. Захлопнув за собой дверь, я рухнул на пол. Ко мне из комнаты на грохот выбежал отец... хотя отец ли.

– Что случилось?

– Это ты или органик?

– Какая разница, технически органик – это тоже я.

– Ты или органик? – с трудом говорил я.

– Органик.

– Тогда все очень плохо. Мне нужно в больницу.

На эти слова у андроида последовала какая-то странная реакция. Лицо сделалось каменным, а голос монотонным и каким-то назидательным. Явно не в тему сложившейся ситуации.

– Нет, в больницу мы не поедем.

– Почему это? Но я же умру, меня изувечили.

– Интересно, кто же это сделал, какой же нечеловеческой силы твой обидчик. В любом случае, в больницу я тебя точно

не повезу, – ответил органик, и меня явно смутило слово «нечеловеческий».

– Ты охренел что ли... Я умираю.

– Ничего ты не умираешь, я вызову своих людей на дом. Тебя подлатают.

– Делай что хочешь, спаси меня.

В этот момент органик сильно сдавил мне шею. Я пытался сопротивляться, но был не в силах и потерял сознание.

Очнулся, передо мной тьма... я открыл глаза, под потолком горели две длинные люминесцентные лампы. Это была больничка, в бело-голубой комнате стояла лишь одна койка – моя. Странно, но чувствовал я себя абсолютно нормально, после таких-то побоев. Рука была загипсована, вся грудь замотана в бинт, а в остальном я, как огурчик. Видать, крепкий я, раз даже Стивенс меня не уделал. Чертов Стивенс... что там случилось, что это за андроид такой, почему он убил Криса и меня чуть на тот свет не отправил. Едва ли машины грезят о мировом господстве или мнят себя Skynet, но они определенно опасны для людей.

В дальнем углу я увидел телефон, прикрепленный к стене. Надо позвонить отцу. Я попытался встать и не смог – бинт под мышками не только помогал фиксировать мои ребра и прикрывал разорванную кожу, под ним была эластичная лента, которая не давала мне оторваться от кровати. Такие надевают на всех задержанных, обвиняемых и заключенных,

которые находятся на лечении, потому что, видите ли, так человека легче зафиксировать, пока врач проводит процедуры. Есть больным не требуется, все необходимое закачивают через капельницу, пить дают через трубочку. Если врачу и надо посадить преступника на зад, вперед него заходит полицейский и пристегивает руку и ногу наручниками к койке. А ленту хрен снимешь, ее принцип в том, что на другой стороне кровати закреплено устройство. Чем сильнее ты брыкаешься, тем сильнее оно стягивает ленту и сдавливает грудину. Устройство запрограммировано на два сигнала: первый подается тихо – для задержанного, он нужен для того, чтобы известить о критической отметке; второй разносится, когда под лентой начинают хрустеть кости – он для полиции и медицинского персонала, извещает о неугомонном пациенте. Порой полезно смотреть Discovery, лишние переломы мне не нужны. Как бы позвать кого-нибудь?

Стоило мне подумать, в комнату вошел врач.

– О, проснулись, добрый вечер.

– Добрый... вечер? Сколько я был без сознания?

– Если верить «скорой», зафиксировавшей время потери сознания, почти 43 часа.

– Я правильно понимаю, сегодня понедельник?

– Да, все верно.

– Доктор, почему я прикован к кровати?

– Возле вашей палаты дежурит полицейский, но мне сказали, что вы не опасны. Больше я ничего не знаю.

– А посетители ко мне могут приходить?

– Вопрос не ко мне. Я сюда пришел, чтобы рассказать вам о вашем состоянии.

– Ок, ясно.

– В общем, у вас множественные ушибы, сотрясение мозга, черепно-мозговая травма, перелом руки – плечевая кость, рваная рана в районе груди. Состояние оценивается как стабильное, нетяжелое. Думаю, мы понаблюдаем вашу руку и выпишем.

– Спасибо, понятно. Доктор, вы могли бы передать моему отцу, чтобы он пришел, он вчера должен был вернуться из командировки. И вы, наверное, в курсе, кто мой отец.

– Да, знаю, Руперт Эрис. Я передам ваше пожелание через руководство больницы.

– Еще раз спасибо.

Мда, положенице так себе. С полицейскими разговаривать не буду, машину если что угнали, на видео не я, травмы получил в потасовке на парковке возле клуба с парнями, которые пытались домогаться до Лилли (учитывая ее пьяное состояние, такие точно были). Посмотрим, что скажет отец. Интересно, как дела у Эндрю, и что там с Крисом.

Я рассматривал комнату, ибо больше заняться было нечем. Прокручивал в голове тот вечер, в голове никак не укладывалась эта бойня. Что за зверь такой Стивенс, тоже понять не могу – суставы крутятся, прыгает на несколько метров, глаза светятся, бьет с какой-то супергеройской

силой. Просто монстр какой-то! И зачем только учителя таким сделали. А вообще, не к добру, что андроиды такие все- сильные, еще больше не к добру, что он зачем-то смеши- вался с толпой. Интересно, насколько критично он отступил от программы?

Как ни странно, ко мне не шел следователь. Обычно полиция пытается вклиниться вперед адвоката или родственников, по крайней мере, так в кино, а тут ноль внимания. Ко мне лишь еще раз зашел доктор, поставивший мне питатель- ную капельницу и сунувший в рот трубку с водой. Сказал, что следующим моим гостем будет отец, он уже едет.

Комната открылась, зашел какой-то мужик среднего воз- раста в джинсах и рубашке, следом еще один мужик в неотес- санном прикиде не по возрасту.... Упс, это был папа.

– Привет, как самочувствие? – кинул мой «стильный» отец с порога.

– Привет, да нормально, сотряс, башка помятая, но она даже не болит. Что за модный молодежный лук?

– Ах это, – улыбнулся он. – Это на всякий случай, мы и приехали сюда на подержанном «Форде». Конспирируем- ся, а то президентская кампания в разгаре, да и моя компа- ния с ее акциями важна не меньше. К слову, о моей компа- нии? Ты ничего мне рассказать не хочешь? Не пересекался нигде с новым образцом Ares Robotics?

– А почему ты спрашиваешь? Что случилось?

– Ну брось, не лепи горбатого. У тебя в машине кровь – твоя, а еще в машине камера, на которую записан весь ваш «подвиг». Мне, конечно, очень понравился ваш спектакль. Оказывается, таких в сети много. Причем я говорю не только про те, которые снимают фанатики, ведущие войну с ветряными роботизированными мельницами, а конкретно про те, на которых я узнал своего сына. У них у всех почерк один, троица там мелькает одна и та же, цветовая гамма везде одинаковая, маски да манера съемки. Мне вот интересно, ты где понахватался? Почему с тобой столько сюсюкались разные профессионалы, преподаватели, тренеры, я, в конце концов, а ты таким неблагодарным уродом вырос? Да, именно уродом. В тебя столько вложено, в тебе столько потенциала, а ты его тратишь непонятно на что. Мне все говорят, что нужно подождать, что ты со временем реализуешься, найдешь свою нишу и свернешь горы, но тебе уже 17, а просветов я не вижу. Занимаясь этим робофобным сумасбродом, ты даже не подумал, как это скажется на твоём отце, владельце и гендире одной из ведущих компаний мира, эгоист ты конченный. Вообще, становится стыдно. Выходит, хреново я тебе воспитывал, хреновый я отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.